В объятиях герцога

Автор:
Керриган Берн

В объятиях герцога

Керриган Берн

Викторианские мятежники #4Шарм (АСТ)

Имоджен Причард – девушка из бедной семьи, вынужденная трудиться на двух работах, чтобы прокормить больную мать и маленькую сестру и расплатиться с долгами погибшего отца.

Колин Толмедж – герцог Тренвит, после похорон отца и брата пришедший в паб, где по ночам работала Имоджен, чтобы утопить горе в вине. Он соблазняет девушку и исчезает из ее жизни, даже не поняв, что стал для нее и первым мужчиной, и первой любовью.

Прошло время, Колин стал героем войны, и его, тяжелораненого, балансирующего между жизнью и смертью, доставили в госпиталь, где Имоджен работала медсестрой. Она выхаживает герцога и покоряет его сердце. Казалось бы, для счастья нет препятствий. Однако снова и снова Имоджен задает себе мучительный вопрос: не бросит ли ее Колин, если вспомнит однажды об их первой встрече?..

Керриган Берн

В объятиях герцога

Kerrigan Byrne

The Duke

© Kerrigan Byrne, 2017

© Перевод. В. А. Суханова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Лондон

Февраль 1876 года

От волнения Имоджен Причард била мелкая дрожь и по спине бежали мурашки. Обычно атмосфера увеселительного заведения «Голая киска» была просто гнетущей, но сегодня воздух был буквально наэлектризован и пронизан ощущением опасности. Имоджен всеми фибрами души чувствовала угрозу, словно где-то здесь притаился хищник. Поставив на полку буфета пустые стаканы из-под эля и джина, она схватила нож, спрятала его в складках юбки и снова повернулась лицом к посетителям заведения, решив дать отпор всем, кто посмеет на нее напасть.

В заведение между тем не спеша входили одетые в алые мундиры военные, поджарые молодые люди, мужская энергия которых била через край. Их глаза жадно блестели от вожделения. Они напоминали стаю волков, облизывающихся и скалящих острые клыки в предвкушении жуткого пиршества.

Работа в «Голой киске» обострила инстинкт самосохранения Имоджен, ее чувство опасности было таким же острым, как сабли, висевшие на поясах бравых военных. И эти молодые мужчины, эти волки, находились сейчас на охоте и могли накинуться на свою жертву по сигналу вожака.

Имоджен чувствовала, что военные, как бы угрожающе они ни выглядели, были не столь опасны для нее. Источником внутренней тревоги Имоджен был их предводитель.

Он выделялся среди них, в нем клокотала дьявольская энергия. Вожак был на голову выше молодых волков стаи, которой он правил железной рукой. Он держал всех подчиненных в узде и решал, кому из них жить, а кому – умирать. Солдаты готовы были беспрекословно выполнить все его приказы. И командир знал об этом.

Имоджен поразил высокий лоб предводителя отряда и удивительно красивые черты его лица. Такие идеальные лица можно было увидеть у античных скульптур.

Непонятно как древнегреческие мастера своими допотопными инструментами умудрялись высекать из благородного камня настолько тонкие, совершенные в своей симметрии черты. Имоджен судорожно сжала в руке нож, хотя ей хотелось в этот момент взяться за кисти. С каким удовольствием она написала бы сейчас широкими смелыми мазками портрет предводителя!

Девушка встрепенулась. Она где-то уже видела этого человека. Его лицо и фигура врезывались в память, их невозможно было забыть. Этого мужчину лепил сам Бог, а затем отливал из драгоценных металлов. Кожа предводителя отряда была матовой с золотистым оттенком, волосы отливали бронзой, карие глаза пылали в тусклом освещении зала, как две медные жаровни. Казалось, они внимательно обследовали каждый уголок, каждый закуток зала.

Наконец взгляд предводителя упал на Имоджен и застыл. При этом выражение его лица оставалось все таким же непроницаемым. Хотя Имоджен показалось, что складка между его бровями немного разгладилась. Этот грозный мужчина испытал какие-то эмоции, но не хотел выдавать себя. Линия его подбородка оставалась все такой же напряженной, и это беспокоило девушку.

Он выглядел очень усталым. Или, может быть, предводитель был чем-то сильно огорчен? Имоджен глубоко вздохнула. Нет, она, пожалуй, никогда прежде не видела этого человека, иначе она наверняка бы помнила, что сталкивалась с ним или, тем более, когда-то знакомилась.

Имоджен не могла отвести глаз от прямого, патрицианского носа незнакомца. У него были высокие скулы и широкая, квадратная челюсть, которая подчеркивала идеальную форму крепко сжатых губ.

Но не только она наблюдала за предводителем. Внезапно Имоджен почувствовала себя ланью, которую хищник наметил себе в жертву, и испугалась. Резко повернувшись, она хотела убежать, но тут же столкнулась с Давиной Розой.

– Черт побери, какая длинная ночь! – пожаловалась та, откидывая со лба кудрявую прядь, и залпом допила джин из стакана, который держала в руках.

Имоджен не знала, действительно ли ее звали Давина, но эта испанская шлюха всегда называла себя именно так.

– Да уж, нынешняя ночка выдалась трудной, – согласилась с ней веснушчатая полногрудая шотландка Хизер, поправляя корсет, из которого готова была вывалиться пышная грудь. – Я знаю, чего хотят мужчины, когда вваливаются к нам гурьбой. Они надеются во время совокупления утопить в нас свой страх.

– Надо заказать побольше мази, – вздохнув, сказала Давина.

– Я могу напоить их до полусмерти, – предложила Имоджен.

– Попробуй сделать это, Джинни, – промолвила Хизер. Она назвала Имоджен уменьшительным именем, которое скорее было прозвищем. Так Имоджен называли в этом злачном месте. – Хоть какая-то польза от тебя будет.

В голосе Хизер звучало недовольство. Многим девушкам в заведении не нравилось, что у Имоджен есть привилегии. Во всяком случае, ей не нужно было раздвигать ноги перед клиентами, как это делали остальные.

– Если нам повезет, некоторых из этих волчар поразит ирландское проклятие, и мы без всякого труда получим с них денежки, – задумчиво добавила Хизер.

– Ты хотела сказать, что денежки получит дель Торо, – прошипела Давина, с опаской бросив взгляд на сутенера и по совместительству владельца заведения, который, вскочив со своего места и едва не перевернув от усердия стул, радушно приветствовал новых посетителей.

Работавшие в «Голой киске» женщины боялись его как огня и если роптали, то только шепотом, опасаясь, что хозяин их услышит и накажет.

– Ирландское проклятие? – тихо переспросила Имоджен. – А что это такое?

Давина фыркнула.

– Оно поражает мертвецки пьяных мужиков. У них от неумеренных возлияний не стоит член, понимаешь, дуреха? – ответила Хизер, опередив Давину. – Член у них остается мягким, как веревка, ясно?

– Да, – пробормотала Имоджен, краснея до корней волос. – Спасибо, я все поняла.

Она взглянула на военных, которые направились вслед за тучным полнотелым Эцио дель Торо в укромный уголок заведения, предназначенный для наиболее уважаемых клиентов. Имоджен задумчиво нахмурилась.

Дель Торо был итальянским иммигрантом и не питал особой симпатии к мужчинам в военных мундирах. Его трудно было заподозрить в патриотизме. Почему же он с таким подобострастием встретил группу военных и их предводителя?

По дороге дель Торо схватил за руку Флору Латимер, которая шла по проходу между столиками, виляя бедрами, и стал нахваливать ее пышное тело. Затем хозяин что-то зашептал на ухо девушке, и ее глаза стали круглыми от изумления. Дель Торо толкнул Флору по направлению к буфету, где, сбившись в стайку, стояли остальные девицы, работавшие в заведении. Подбежавшая к ним Флора напомнила Имоджен голубоглазую сову, такие у нее были огромные

глаза.

– Вы никогда не догадаетесь, кто к нам только что пришел, – нервно хихикая, взволнованно заговорила она.

– Сейчас же выкладывай все, что знаешь, тупая шлюха, – зло зашипела на нее Хизер. – Мы здесь не собираемся разгадывать загадки.

– Видите вон того офицера? – Флора указала на предводителя военных, который уселся во главе длинного стола. – Высокого военного, похожего на падшего ангела?

Женщины закивали. Все они обратили внимание на красивого незнакомца, и было бы глупо отрицать это.

– Ну, так вот, к вашему сведению, это сам Колин Толмедж, он явился сюда прямо с похорон родителей и брата. Дель Торо сказал, что на рассвете Толмедж уезжает к месту прохождения службы, чтобы подать в отставку, а затем, окончательно вернувшись на родину, вступит в наследство. Теперь к нему перейдет титул герцога Тренвита.

Так вот почему офицер показался Имоджен таким знакомым! О Колине Толмедже в последнее время много говорили в столице. Его отец, герцог Тренвит, мать, герцогиня, и старший брат Роберт, наследник титула, погибли во время крушения поезда, который сошел с рельсов недалеко от французских Альп. Кроме Колина, младшего ребенка в семье, в живых осталась только его сестра Харриет. Портрет Тренвита в течение целой недели публиковали все газеты на первой странице. Но этот портрет был бледной копией оригинала! В жизни Тренвит выглядел куда более мужественным, статным и широкоплечим.

В нем текла королевская кровь, и это чувствовалось. Тренвит был дальним родственником представителей Ганноверской династии с одной стороны и древнего знатного рода из графства Корнуолл с другой. При желании можно было проследить его родственные связи с самой королевой Викторией. Предки Тренвита происходили из варварских племен древних германцев, наводивших ужас на Рим. Их черты Имоджен отчетливо видела в этом человеке, который озирался по сторонам с видом победителя, покорившего всех в зале.

Взгляд Тренвита снова остановился на Имоджен, и она вдруг поняла, что его душу томит печаль. Но Тренвит пытается ее скрыть.

– Сейчас не время болтать, нужно обслужить клиентов по высшему разряду, – спохватилась Флора. – Дель Торо приказал подать им лучшие блюда. Нужно создать ощущение праздника, чтобы каждый гость почувствовал себя сегодня именинником. Особенно его светлость, так как он оплачивает счет.

Женщины, как по команде, быстро повернулись к висевшему у них за спиной зеркалу в позолоченной раме и стали прихорашиваться. Имоджен поправила на голове темный парик и подкрасила губы, хотя как она выглядела, не имело особого значения. Имоджен не была проституткой, она прислуживала клиентам за столом. Порой она слышала из их уст сальные шуточки, некоторые гости даже пытались облапать ее или ущипнуть за мягкое место, но не более того.

Имоджен договорилась с владельцем «Голой киски» дель Торо, что не будет оказывать интимные услуги клиентам заведения. Ей нужно было работать, чтобы скопить необходимую сумму для погашения долгов покойного отца, заядлого игрока. Имоджен решила, что уйдет из злачного места, как только расплатится с долгами. Она работала здесь по ночам и все жалованье, а также чаевые исправно отдавала человеку, которого ненавидела всей душой. Кроме того, Имоджен вынуждена была содержать мать и младшую сестренку Изабелл. Чтобы заработать им на кров и пропитание, днем она трудилась в Королевской больнице Святой Маргариты.

– Ты слышала, что сказала Флора? – прошипела Хизер, ткнув локтем в бок Имоджен. – Хватит глазеть на себя в зеркало, берись за дело! Ты должна подготовить гостей. Сделай так, чтобы они бросились в наши объятья!

Имоджен схватила пустой поднос и, прижав его к груди, как щит, быстро направилась к барной стойке, за которой стоял Джереми Карсон. Он уже налил эль в кувшины. Джереми было двадцать – младше Имоджен всего на три года, – но она относилась к нему, как к ребенку, а не как к мужчине. Серьезное выражение его чистого мальчишеского лица как-то не вязалось со смешным ливерпульским акцентом.

– Похоже, эту ночь мы надолго запомним, правда, Джинни? – бросил он. – К нам явился сам герцог!

– Мне самой не верится, что все это происходит наяву, а не во сне, – отозвалась Имоджен.

Она поставила на поднос два кувшина с элем и чистые стаканы. Джереми всегда отличался аккуратностью и чистоплотностью, и Имоджен ценила это в нем.

– Как ты думаешь, что предпочитает пить герцог? – спросил бармен, обнажив в заговорщической улыбке кривые зубы.

Улыбка делала Джереми еще моложе. Имоджен усмехнулась.

– Я это скоро узнаю, – сказала она.

– Будь особенно осторожной сегодня ночью, Джинни, – снова посерьезнев, предупредил ее Джереми. – Солдаты – народ опасный, от них можно ждать чего угодно.

Имоджен скоро поняла, что Джереми был прав. В переполненном посетителями зале она медленно пробиралась на ватных ногах между столиками в дальний угол, который заняли военные, чувствуя на себе их жадные взгляды.

Военные галдели и смеялись. Тренвит не принимал участия в их разговоре, он сидел и молча слушал. На лице его застыла сардоническая улыбка. Когда Имоджен приблизилась к их столу, он снова уставился на нее. Тренвит так пристально следил за каждым движением Имоджен, что она едва не споткнулась на ровном месте. Передвижение по залу превратилось для нее из привычного занятия в опасное путешествие. Руки девушки дрожали, и она чуть не выронила тяжелый поднос.

Подойдя к столу, она остановилась между Тренвитом и черноволосым кареглазым шотландцем с пылающим взором. Ее лицо раскраснелось. Чувствуя на себе пристальный испытующий взгляд Тренвита, Имоджен старательно, боясь расплескать, разлила эль по стаканам. Тренвит молча следил за ее действиями.

Справившись со своей задачей, Имоджен хотела заговорить с Тренвитом, но слова застыли у нее на устах. Ее охватила паника. Она не знала, как обращаться к человеку столь высокого ранга. Герцог был пэром в британском королевстве,

его следовало почтительно называть «ваша светлость».

Вместе с тем Тренвит был военным, носил форму. Это усложняло задачу Имоджен. Она не могла понять по его мундиру, в каком звании он был и к какому роду войск принадлежал. Имоджен вообще впервые в жизни видела такой мундир. Он был не традиционно алым, а черным, вернее, в нем преобладал черный цвет. Красными были только рукава и высокий воротник. Головной убор отсутствовал. Причудливые галуны на манжетах и плечах ни о чем ей не говорили. Она даже не знала, были ли они знаками отличия или просто украшением.

Тренвит по званию мог оказаться кем угодно – от капитана до полковника.

– Закрой рот, красавица, – растягивая слова, промолвил шотландец, – у тебя глуповатое выражение лица. Пока ты собираешься с мыслями, мы, пожалуй, выпьем. Надеюсь, ты не будешь возражать.

Имоджен быстро закрыла рот. Причем сделала это с такой силой, что едва не сломала зуб. Десять пар мужских пылких глаз были устремлены на нее, и это ее смущало. Заметив замешательство девушки, военные загоготали. Дрожь пробежала по телу Имоджен. Взяв себя в руки, она обворожительно улыбнулась и взглянула на Тренвита.

Странно, но он не смеялся.

– Что… что бы вы хотели заказать? – услышала она собственный голос.

– А что вы можете предложить? – спросил Тренвит.

От его глубокого голоса у Имоджен стала горячо внутри. Он говорил спокойно, его губы при этом почти не двигались. Но тембр голоса Тренвита поразил девушку. Его вопрос звучал двусмысленно, и она снова смутилась, потеряв на пару мгновений дар речи.

– В «Голой киске» нет ни пунша, ни шерри, ни бренди, ни портвейна, – ответил вместо нее шотландец. – Но есть лучший в этой части Лондона эль, а также джин, абсент и виски. Это заведение для настоящих мужчин, но не для

джентльменов. Отсутствие разнообразия в ассортименте алкоголя здесь восполняют большим ассортиментом других удовольствий. Не так ли, милочка?

И Имоджен почувствовала, как ее больно ущипнули за мягкое место. На ее глаза навернулись слезы. Девушка повернулась так, чтобы шотландец не смог до нее дотянуться, и прикрыла бедро освободившимся подносом. Натянуто улыбнувшись, она взглянула на наглого посетителя.

– Конечно, сэр, – процедила Имоджен сквозь зубы и скосила глаза на дель Торо, который пристально наблюдал за ней.

За плохое поведение хозяин мог удержать часть жалованья, поэтому Имоджен не позволяла себе открыто проявлять недовольство грубостью клиентов. Тем не менее она чувствовала, что назревает скандал.

– Ты можешь называть меня майор Маккензи. «Майор» – от слова «большой», и знаешь, дорогуша, на мой размер еще никто не жаловался, – заявил шотландец, сделав похабный жест. Военные расхохотались. – И тебе не придется. Ты скоро в этом сама убедишься.

Внезапно талию Имоджен обвили сильные руки. У нее перехватило дыхание. Она почувствовала, как ее ноги оторвались от пола, и через мгновение она оказалась на коленях у Тренвита. Его действия вызвали новый взрыв смеха за столом.

Однако Маккензи был явно недоволен тем, что Тренвит его опередил. Его карие глаза горели мрачным огнем.

Имоджен напрягла мышцы, она была готова в любое мгновение спрыгнуть на пол и убежать в безопасное место. Такое уже бывало. Но она привыкла вырываться из ослабевших рук пьяниц, которые не могли с ней справиться. Теперь же она имела дело с сильным, ловким и тренированным мужчиной.

– Не двигайся, – приказал он, и Имоджен замерла.

Слегка повернув голову, она с опаской взглянула на Тренвита, не зная, что от него ждать. Он не смотрел на нее. Его исполненный угрозы взгляд был прикован к майору Маккензи. Так смотрит вожак стаи на волка, осмелившегося выйти из

подчинения. Атмосфера накалялась. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Тренвит напрягся, непроизвольно сжимая объятия, которые в конце концов могли задушить Имоджен. Она оцепенела, стараясь не привлекать к себе внимание двух волков, которые могли невзначай ее разорвать, сцепившись друг с другом.

Майор Маккензи первым опустил глаза. Хватка Тренвита тут же ослабла, и Имоджен судорожно вздохнула. Однако герцог, казалось, не собирался ее отпускать. Его рука по-прежнему лежала на талии девушки.

– Я буду виски, – сказал Тренвит.

– И мы тоже, – выражая общее мнение, поддержал его молодой лейтенант с темными, жиденькими усами. – Надо разжечь аппетит, чтобы ринуться затем в океан острых удовольствий.

Имоджен кивнула и попыталась встать, но Тренвит воспрепятствовал этому. Его руки крепче сомкнулись на ее талии. И без того натянутая, как струна, Имоджен выпрямила спину, стараясь не прикасаться к его груди.

– Позвольте, я принесу вам заказанный напиток, – мягко произнесла она. – Вам придется отпустить меня.

Тренвит насмешливо фыркнул, и Имоджен почувствовала исходивший от него запах бренди. Он уже был навеселе. Не разжимая объятий, Тренвит кивнул дель Торо, который внимательно следил за каждым жестом клиента, стоя поодаль. Владелец «Голой киски» тут же со всех ног бросился к их столику.

– Принеси нам, голубчик, лучшее виски. Да побольше! – распорядился Тренвит.

Товарищи поддержали его веселым гвалтом. Имоджен видела, что дель Торо лихорадочно подсчитывает в уме прибыль.

– Мы только что получили ящик знаменитого шотландского виски Рейвенкрофт, – сообщил хозяин, подобострастно кланяясь.

– О нет! – зарычал майор Маккензи. – Уж лучше принеси мне джина! Я скорее выпью зловонной воды из Темзы, чем глоток виски из подвалов Рейвенкрофтов!

– А в чем дело, Хеймиш? – с усмешкой спросил усатый лейтенант. – Разве Рейвенкрофты – это не те же самые Маккензи?

Майор насупился и промолчал. Костяшки его пальцев побелели от напряжения.

– Верно, Томпсон, ты прав, – согласился с лейтенантом один из военных. – Маркиз Рейвенкрофт по прозвищу Демон-горец – младший брат нашего Хеймиша Маккензи.

Он намеренно сделал ударение на слове «младший».

– Маркиз – младший брат нашего майора? – Томпсон приподнял брови в притворном удивлении. – Так значит, майор…

– Ах ты, сволочь, – с мрачным видом перебил его Хеймиш Маккензи. – Ты хочешь выставить меня бастардом, незаконнорожденным сыном, которого обошли при раздаче титулов?

– Хватит! – одернул их Тренвит, и за столом сразу стало тихо. – Принеси нам всем виски, хозяин, а моему другу майору – джина.

Хеймиш бросил благодарный взгляд на Тренвита. Напряжение рассеялось. Угрюмый Хеймиш Маккензи, похоже, забыл об Имоджен.

– Мы можем позволить себе только невыдержанное виски, – смущенно улыбаясь, извиняющимся тоном промолвил дель Торо. – Но все остальное в нашем заведении – самого высокого качества.

И он показал на выстроившихся вдоль барной стойки, зазывно улыбавшихся девушек.

– Отлично, – сказал Тренвит, почему-то обращаясь к Имоджен. – Мои парни жаждут общения.

Военные взволнованно загудели, видя, как к ним мягкой кошачьей походкой с тихим мурлыканьем медленно приближаются знаменитые «киски». Хизер, ловко увернувшись от майора Маккензи, обняла молодого лейтенанта. Заметив это, Имоджен поняла, что Хизер боится майора. Такое на ее памяти было впервые. Раньше она не замечала страха проституток перед клиентами. Возможно, майор Маккензи уже заходил в заведение «Голая киска», хотя Имоджен его не помнила, и оставил о себе недобрую память. Быть может, Хизер уже обслуживала его и больше не хотела с ним сталкиваться. Имоджен чувствовала, что от Маккензи исходит опасность. Ей было некомфортно в его присутствии. Интуиция подсказывала ей, что нужно держаться подальше от этого человека. Впрочем, как и от Тренвита.

– Ты слышала, Джинни? – Голос дель Торо вывел Имоджен из задумчивости. – Принеси виски и джин!

Имоджен кивнула, обрадовавшись, что наконец-то сможет улизнуть. Но не тут-то было! Тренвит крепко ее держал.

– Она останется здесь, – заявил он тоном, не терпящим возражений.

Тренвит не повышал голоса, его произношение свидетельствовало о том, что этот человек принадлежит к высшему обществу. Тем не менее в его тоне сквозила железная воля. Тренвит привык, чтобы ему повиновались.

– Эта девушка сегодня ночью будет обслуживать только меня, – добавил он.

Имоджен бросило в дрожь. Тренвит, не обращая внимания на испуганное выражение ее лица, взял из ослабевших рук Имоджен поднос и небрежно протянул его хозяину заведения. Дель Торо тут же с готовностью схватил поднос и подобострастно поклонился.

– Как прикажете, ваша светлость, – пробормотал он, щелчком пальцев подавая знак персоналу.

Повернувшись, дель Торо поспешно удалился, семеня толстыми ногами. Имоджен заметила, что он не удостоил ее взглядом. Дрожь только усилилась, когда Тренвит наклонил голову и зашептал ей на ухо. От его жаркого дыхания щеки девушки еще больше раскраснелись.

– Джинни… Это твое имя?

От вкрадчивого голоса Тренвита по коже Имоджен забегали мурашки.

– Да, ваша светлость, – солгала она, ведь так ее называли только в увеселительном заведении «Голая киска».

Каждый раз, переступая порог этого тускло освещенного шумного злачного места, среди посетителей которого были нищие художники, солдаты и мелкие торговцы, она из Имоджен превращалась в Джинни. Сюда редко забредали знатные господа. Аристократы, как правило, посещали роскошные бордели, где не воняло абсентом и дешевым табаком.

– Не надо формальностей, Джинни, – снова зашептал ей на ухо Тренвит, и она закусила губу. Имоджен никак не могла понять, что чувствует, больше всего это было похоже на озноб. – Не называй меня сегодня «ваша светлость».

Имоджен с трудом заставила себя кивнуть.

– Как же мне вас в таком случае называть?

Задавая вопрос, Имоджен машинально повернула голову и тут же замерла от ужаса. Губы Тренвита были менее чем в дюйме от ее губ.

– Близкие называют меня Коулом, – обдавая ее губы своим дыханием, прошептал Тренвит.

– Но… но я не принадлежу к числу ваших близких… – попыталась возразить Имоджен.

Одной рукой обнимая свою пленницу за талию, другой он сжал ее бедра. Имоджен казалось, что через несколько слоев юбок она чувствует жар его тела. Ощущения были волнующими, но она не назвала бы их неприятными. Имоджен чувствовала, что ей в бедро упирается что-то твердое. Она достаточно давно работала в «Голой киске» и знала, что такое возбужденный мужчина.

– Мне не хотелось бы перечить леди, но все же позволю себе не согласиться. Я чувствую твою близость.

Имоджен дрожала, как осенний лист. Ей казалось, что еще немного, и она потеряет сознание.

– Я не леди, – пролепетала она голосом, в котором слышались слезы.

– Именно поэтому я и выбрал тебя.

Тренвит осторожно откинул черные локоны ее парика и поцеловал обнаженное плечо Имоджен. От этой мимолетной ласки ее бросило в жар. Между тем им подали виски и поставили на стол чистые стаканы.

– Твоя задача состоит в том, чтобы постоянно подливать мне виски в стакан и ни с чем не соглашаться. Ты справишься с ней, Джинни? – Эти слова были сказаны спокойным, почти добродушным тоном, но в них сквозило мрачное отчаянье.

– Я не должна соглашаться с вами? – удивленно переспросила девушка.

– Да, – подтвердил Тренвит, не сводя глаз с ее губ. – Мне хочется, чтобы хоть кто-то перечил мне, осмелившись выйти из подчинения. Для меня это новые эмоции.

– Хорошо, ваша… – Имоджен осеклась.

– Коул, зови меня Коул, – напомнил Тренвит.

Имоджен не отважилась назвать его по имени. Вместо этого, отвернувшись, она налила ему стакан виски.

– Молодец, – похвалил ее лейтенант. – Напои его до такой степени, чтобы он наконец признался нам, куда едет.

– Лучше тебе этого не знать, – заявил Тренвит и залпом осушил стакан. Поставив его на стол, он продолжил: – Могу сказать только одно – майор Маккензи едет со мной.

Лейтенант рассмеялся.

– Признайся, что ты шпион, – добродушно промолвил он. – Какие-то секретные миссии, военная форма без знаков отличия. Странно и то, что ты не остался на ночь дома, несмотря на… – лейтенант запнулся и, не решившись произнести слово «похороны», продолжил: – Несмотря на обстоятельства. Я хотел сказать, что ты теперь герцог, черт возьми, но почему-то избегаешь наведываться в свой дом.

– Я думал, мы договорились не касаться этой темы.

Тон Тренвита был обманчиво мягким. Лейтенант побледнел.

– Что же касается секретных миссий, – добавил герцог, – то какие же они секретные, если, похоже, о них знает каждый.

– Мы узнаем о них постфактум, – заметил один из офицеров. – Ты срываешься вдруг с места, уезжаешь куда-то, а потом выясняется, что в пустыне убили очередного вождя кровожадного племени. И тут же ты возвращаешься с насыщенным загаром и заявляешь, что был в отпуске и отдыхал на юге.

Тренвит с загадочным видом усмехнулся.

– В последний раз, когда ты снова неожиданно исчез, – опять вступил в разговор лейтенант, ободренный улыбкой герцога, – мы узнали, что в Альпах была перекрыта дорога, по которой контрабандой переправляли оружие. А потом приятель, работающий в военном госпитале в Швейцарии, сообщил мне, что тебя привезли к ним с обморожением.

Сказав это, лейтенант с победным видом оглядел друзей. Он торжествовал так, как будто выиграл спортивное состязание и теперь ждал поздравлений.

– Говорят, Демон-горец считает тебя не менее опасным человеком, чем он сам. А в боевом мастерстве, по признанию Демона, ты его превосходишь, – заявил один из офицеров.

– Он очень великодушен, – скромно заметил Тренвит.

– Ты знаком с моим младшим братом? – удивился Хеймиш, сжимая в объятиях Давину, которая уселась ему на колени. – Кстати, он никогда не был великодушным.

Тренвит издал звук, похожий одновременно и на вздох сожаления, и на пренебрежительное хмыканье. Невозможно было понять, что он хотел этим сказать. Когда герцог поставил пустой стакан на стол, Имоджен потянулась за бутылкой, чтобы снова налить ему виски.

– Ты же не веришь им, правда? – шепотом спросил ее Тренвит с таким видом, как будто у них был общий секрет на двоих, которым они не желали делиться с другими.

– Ни единому слову, – ответила Имоджен и первый раз за весь вечер искренне улыбнулась.

– Я знал, что ты умная девочка.

Тренвит снова поцеловал ее в обнаженное плечо почти у самой шеи, но Имоджен на этот раз почти не испугалась. Она уже начала понемногу свыкаться с ситуацией. Постепенно ее напряжение спало, и она даже позволила себе прислониться к груди герцога. Однако крупные пуговицы его мундира больно впились ей в спину, и она снова выпрямилась. Заметив это, Тренвит расстегнул мундир и ловко его сбросил. Имоджен понравились его забота и предупредительность. Этим Тренвит сильно отличался от знакомых ей мужчин, которые вряд ли обратили бы внимание на то, что женщине некомфортно. Она невольно прониклась к герцогу уважением.

Теперь ее спина соприкасалась с его теплой, мускулистой грудью. Имоджен чувствовала, как напрягались и расслаблялись его мышцы. Ей нравился исходивший от него запах кедра. Должно быть, он хранил свою униформу в деревянном сундуке. Имоджен различала также острый запах виски, к которому примешивался легкий аромат дождя или, может быть, спелых ягод.

Мужчины заговорили об Афганистане, куда, как поняла Имоджен, должен был отправиться Тренвит. За влияние в регионе боролись Россия, Великобритания и османы. За разговорами о политике последовали пьяные истории, новые тосты и

неумеренные возлияния.

Звучали тосты в честь королевы, в память о погибших товарищах, в память о живых сослуживцах, победах на полях сражений, поражениях, кораблях, на которых плавали присутствующие, и наконец, за здоровье женщин, которых они любили. Имоджен показалось странным, что друзья не пьют за новоиспеченного герцога Тренвита и не поминают его умерших родственников. По-видимому, Колин не желал затрагивать эти темы.

Имоджен тайком посматривала на него, бросая взгляды через плечо. Тренвит не произносил тосты, но исправно пил после каждого. Скабрезных историй он тоже не рассказывал, однако посмеивался над словами своих приятелей. Временами Тренвит уходил в себя, погружаясь в раздумья.

Когда взгляд герцога останавливался на Имоджен, черты его лица прояснялись. Его прикосновения были скорее нежными, чем чувственными.

И это удивляло Имоджен. Она знала по опыту, что, пьянея, мужчины становились грубыми и назойливыми. Они щипали ее, хлопали по мягкому месту, тискали. Так что порой Имоджен сожалела о том, что была женщиной и привлекала к себе внимание мужчин. В отличие от пьяных грубиянов, Тренвит вел себя обходительно. Его большие красивые руки нежно поглаживали изгибы ее тела – талию и бедра. У Имоджен замирало сердце от его прикосновений, она робела в объятиях герцога и, как ни странно, не испытывала отвращения. Ею владело совсем другое, незнакомое чувство.

Постепенно число собутыльников за столом начало таять. Приятели Тренвита уходили вместе с девушками за портьеру у барной стойки, за которой располагался длинный коридор с множеством дверей по обеим сторонам. Перед тем как скрыться за портьерой, мужчины платили дель Торо за услуги его «кисок».

Тренвит поменял положение ног и при этом потерся о промежность Имоджен. Она ахнула от нахлынувших острых ощущений. Его бедра мгновенно напряглись. Имоджен решила, что ее реакция обидела Тренвита, однако вскоре он снова потерся ногой об интимные части ее тела.

Имоджен машинально ухватилась руками за стол, опасаясь, что сейчас сползет на пол. Член Тренвита, упиравшийся ей в бедро, заметно вырос и стал тверже.

– У меня такое впечатление, что ты легко воспламеняешься, я прав? – тихо произнес герцог.

Имоджен с трудом разобрала его слова, ее бросило в жар – но скорее не от слов, а от продолжавшегося трения. Честно говоря, девушка не совсем поняла, что он имел в виду. Руки Тренвита скользили по ее талии и бедру. Пытаясь его остановить, Имоджен перехватила запястья герцога. Он позволил ей его удержать, хотя с легкостью мог бы вырвать свои руки.

– Я вынуждена не согласиться, поскольку вы приказали мне вам перечить, – заявила девушка.

Губы Тренвита скользнули по затылку и шее Имоджен. По ее телу пробежала дрожь. Она сжала бедра, чувствуя, что не в состоянии себя контролировать. Ее промежность жгло как огнем.

– Теперь это не имеет никакого значения, – хрипловатым голосом промолвил Тренвит.

Глава 2

У Имоджен от этой чувственной хрипотцы затвердели соски, во рту пересохло. Она изо всех сил пыталась скрыть возбуждение и дышать ровно.

– Не хотите ли… не хотите ли еще выпить?

Не дожидаясь ответа, Имоджен протянула герцогу наполовину пустой стакан, который стоял перед ним на столе. Она надеялась отвлечь его от опасных действий.

Он на мгновение задумался.

– Нет, – наконец ответил Тренвит с решительностью человека, осознающего, что уже довольно пьян.

– В таком случае, может быть, вам еще что-нибудь нужно? – пролепетала Имоджен. – Я должна вернуться… к своим обязанностям.

– Я мешаю тебе работать и не плачу за потраченное время, – задумчиво промолвил герцог. – Наверное, именно поэтому твой хозяин сердито на тебя поглядывает?

– Вовсе нет, – поспешно промолвила Имоджен, стараясь успокоить клиента.

Дель Торо и правда угрожающе поглядывал на нее. Он боялся, что Имоджен оттолкнет герцога и вызовет его недовольство. Работающие в заведении девушки должны были ублажать клиентов, исполнять все их прихоти.

Имоджен снова поразила сила Тренвита, когда он поднял ее на руки и усадил рядом с собой на скамью.

– Прости, – пробормотал он.

Встав, герцог нетвердой походкой направился к дель Торо. Имоджен удивило, что он еще держится на ногах. Тренвит выпил огромное количество шотландского виски, в котором, казалось, можно было бы утопить слона.

Разговор герцога и дель Торо длился целую вечность. В конце концов, они, видимо, к обоюдной радости достигли согласия. Тренвит заплатил и исчез за портьерой.

Это неприятно поразило Имоджен, она расстроилась. Однако ей некогда было наблюдать за происходящим. Встав, она направилась к буфету, намереваясь взять тряпку и начать уборку.

Однако на полпути Имоджен вынуждена была остановиться, дель Торо преградил ей дорогу. У девушки оборвалось сердце, когда она заметила мрачный огонек в глазах хозяина заведения. Имоджен сразу поняла, что все это значит, и бросилась в атаку, не дав дель Торо раскрыть рта.

– Вы дали мне слово! – резким тоном заговорила она. – Вы обещали, что мне не придется…

– Это было до того, как мне заплатили двадцать фунтов, – заявил дель Торо.

– Двадцать фунтов? – У Имоджен подкосились колени, и она плюхнулась на стоявший рядом стул. – Вы, наверное, хотели сказать: два фунта…

Даже сумма в два фунта была баснословной для заведения «Голая киска». Такие деньги платили за ночь богатые клиенты в Ковент-Гарден или у мадам Регины.

Почесав затылок, дель Торо показал Имоджен банкноту в двадцать фунтов, а затем надежно спрятал ее во внутренний карман.

– За двадцать фунтов я бы продал родную дочь, – заявил он без тени стыда. – Учти, что это составляет треть долга твоего папаши.

Имоджен невольно бросила взгляд на мужчин, игравших неподалеку в карты. Ими владела отчаянная надежда сорвать большой куш. За полгода работы в больнице она получила меньше двадцати фунтов.

А здесь, чтобы заработать такую сумму, ей потребовалось бы трудиться целый год. Имоджен оставалось выплатить семьдесят четыре фунта. Если она уступит дель Торо, то избавит себя от целого года работы в его отвратительном заведении.

Правда, ей придется ради этого лишиться девственности…

Но каким бы привлекательным мужчиной не был Тренвит, Имоджен все же покачала головой, отказываясь от ночи с ним. Давно распрощавшись с детскими мечтами о поездке на континент и о карьере художницы и посвятив себя заботам о близких, Имоджен, тем не менее, не потеряла надежды однажды вернуться к нормальной жизни. Она хотела выйти замуж, родить детей. Ее отец некогда был богатым респектабельным торговцем тканями. Его погубила страсть к карточной игре. Но семья Имоджен не утратила прежних связей. Поэтому она надеялась выйти замуж за банкира или врача, уважаемого в обществе человека. Однако для этого ей нужна была безупречная репутация.

Если она лишится девственности, то ей вряд ли удастся воплотить свои мечты в жизнь.

– Нет, я не могу.

– Ты должна обслужить клиента, – заявил дель Торо.

У него был горячий южный темперамент, он подчас жестоко обходился с персоналом. Дель Торо мало заботился о душевном состоянии своих подчиненных. Порой он бил девушек за проступки. Однажды хозяин поднял руку и на Имоджен, и она до сих пор вспоминала этот эпизод с ужасом и содроганием.

– Вы не понимаете, – принялась она уговаривать дель Торо, – если я… понесу, то потеряю работу. И тогда я не смогу содержать семью.

Имоджен боялась забеременеть, поскольку понимала, что ей не прокормить ребенка. На ее иждивении и так уже находилось несколько человек.

Дель Торо пожал плечами и осклабился.

– Ты всегда можешь рассчитывать на работу в нашем заведении в качестве киски, – сказал он, ухмыляясь, и тут же сделал вид, что спохватился. – Ой, я совсем забыл, что ты для нас птица слишком высокого полета и боишься, как бы тебя здесь не увидели знакомые.

– Я вовсе не это хотела сказать…

– Может быть, тебя заменит Изабелл? Я, пожалуй, отправлю за ней Бартоломео и Джорджио, которые когда-то притащили тебя сюда. Помнишь, как это было?

Дель Торо снова вытащил банкноту и с наслаждением ее понюхал. Ему явно нравился запах денег.

– Но ей всего пятнадцать лет! – ужаснулась Имоджен, ее пронзил отчаянный страх за сестру. – Вы обещали не впутывать Изабелл в это дело. Вы говорили, что мои мать и сестра никогда не узнают…

– У меня работали девочки, которым и тринадцати не было. Кто помнит о каких-то обещаниях, когда видит такие деньжищи?! – Он пожал плечами. – Твои близкие давно уже догадались о том, чем ты занимаешься по ночам. Или они глупы и до сих пор не подозревают, что ты – проститутка?

– Я сказала им, что выхожу в ночную смену в больнице, чтобы побыстрее вернуть долг.

– Или ты обслужишь сегодня герцога, или это сделает твоя сестра, – с решительным видом заявил дель Торо. Его лицо начало багроветь, что было плохим знаком. – Тебе уже слишком много лет, поэтому я скоро, наверное, откажусь от твоих услуг. А вот Изабелл юна и свежа, она мне подходит. Мне ничего не стоит выкрасть ее из дома, и ты не сможешь этому воспрепятствовать.

У Имоджен сжалось сердце. Она ссутулила плечи под тяжестью забот и усталости. Ей приходилось жить в постоянном страхе. Двадцатитрехлетняя Имоджен действительно могла прийтись не ко двору в увеселительном заведении для мужчин. Кому нужна старая дева?

Дель Торо грубо схватил ее за руку и заставил встать со стула. Его пальцы больно впились в тело Имоджен.

– Ступай к герцогу, – прорычал он и толкнул ее в сторону портьеры. – И делай все, что он потребует! А если герцог останется недоволен тобой, я отдам тебя на расправу своим парням. Они сначала изнасилуют тебя, а потом обезобразят лицо, чтобы ты уже никогда никому не была нужна!

Имоджен на ватных ногах направилась к черно-красной парчовой портьере с восточным узором, потертой от прикосновений рук множества мужчин, которые откидывали ее, чтобы пройти в спальни.

– Он в комнате номер семнадцать, – бросил ей вслед дель Торо.

Впрочем, хозяин мог бы этого не говорить. Имоджен не сомневалась, что герцогу предоставят лучшее помещение. Это была просторная, хорошо обставленная комната на втором этаже.

Имоджен поднялась по лестнице с таким трудом, как будто взобралась на Килиманджаро. Ей не хватало воздуха. Вообще-то она была тренированным человеком, но ее грудную клетку сдавливал корсет, а душу – страх, поэтому ей было трудно дышать. Она шла как на эшафот. Нет, герцог не вызывал у нее отвращения. Он был красивым мужчиной. Но Имоджен пугало, что через несколько минут она превратится в проститутку, станет той, кем никогда не хотела быть.

Взявшись за ручку двери семнадцатого номера, девушка на мгновение замерла. Ее сердце бешено колотилось, грозя выпрыгнуть из груди. Она закрыла глаза и прочитала молитву. Имоджен просила Бога не судить ее за то, что она собиралась сейчас сделать. Собравшись с духом, она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. В душе девушка попрощалась со своей невинностью.

Тренвит уже успел раздеться догола. Его нагота привела Имоджен в шок. Тяжело дыша, она прислонилась спиной к двери. Работа медицинской сестрой в больнице и занятия изобразительным искусством приучили ее к виду обнаженного мужского тела. Но такой красоты мужчину она видела впервые в жизни!

Сидя у него на коленях, она и не подозревала, какие великолепно развитые рельефные мышцы скрываются под одеждой Колина. Он стоял к ней спиной, и Имоджен долго его разглядывала. Это было упоительное зрелище!

Наконец, Тренвит повернулся и посмотрел на нее. На тумбочке горела лампа, тускло освещавшая помещение, и стоял графин с виски. Казалось, Тренвита ничуть не смущала собственная нагота.

– Хочешь выпить? – спросил он, указав на золотистую жидкость в хрустальном графине. – Что касается меня, то мне на сегодня хватит.

У Имоджен перехватило дыхание. Колин Толмедж, герцог Тренвит, явно не знал, что такое импотенция, которую насылает ирландское проклятие. Его член гордо стоял, приглашая Имоджен к плотским утехам. Тренвит взглянул на него сверху вниз скорее застенчиво, чем вызывающе, а потом перевел лукавый взгляд на Имоджен.

Вряд ли он догадывался, какую бурю эмоций вызвал в ее душе. Она пыталась взять себя в руки, но не могла. Охваченное возбуждением тело не слушалось ее. Имоджен ощущала себя трепещущим розовым бутоном, готовым подчиниться зову природы и раскрыться навстречу шмелю. Осознав, что готова сбросить одежду, девушка испугалась собственных желаний и в тщетной попытке защититься от эмоций скрестила руки на груди.

Взглянув на стул, на котором висела одежда Тренвита, она заметила лежавший на нем целый арсенал оружия – два пистолета, семь кинжалов разных размеров, саблю, странного вида наручи, которые герцог, видимо, носил под мундиром, и… шприц. Неужели весь этот арсенал Тренвит прятал под одеждой? Имоджен взглянула на герцога широко раскрытыми от изумления глазами.

Внезапно в ее душу закрались подозрения. Неужели этот человек – шпион? Он пристально смотрел ей в глаза. Имоджен дрогнула и потупилась. Усмехнувшись, Тренвит растянулся на кровати. Он был похож на царственного льва.

– Иди ко мне, – сказал Тренвит, протянув к ней руку.

Не чуя под собой ног, Имоджен направилась к нему, но, подойдя к кровати, замерла, как будто окаменев.

Вблизи красота Тренвита казалась еще пленительней. Его поза была обманчиво расслабленной. На самом деле мышцы мужчины были напряжены, как у хищника перед прыжком. Хотя выражение его лица оставалось все таким же отрешенным, загадочным, между ними пробежала искра.

Тренвит, который надолго задержал дыхание, наконец выдохнул, его тяжелые веки слегка опустились. Он провел языком по пересохшим губам и потянулся к Имоджен.

– Сними это, – мягко попросил он.

Пребывающая в полном замешательстве, Имоджен не была уверена, что пальцы ее послушаются.

– Вы можете… – несмело начала она. – Вы можете раздеть меня, если вам угодно.

– Но тебе это не понравится, – возразил Тренвит и слегка отодвинулся на кровати, освобождая для нее место.

– Я… я сделаю все, что вы скажете.

– Если я прикоснусь к твоему платью, то разорву его в клочья. Вряд ли ты к этому готова.

Имоджен не понимала, как этот мужчина может быть одновременно диким, мрачным и столь соблазнительным. В глубине его глаз таилась печаль, именно она заставила девушку наконец начать расстегивать пуговицы на лифе платья.

Тренвит пристально следил за движением ее дрожащих рук. Наконец платье упало на пол к ногам Имоджен.

– Вы заплатили за меня двадцать фунтов? – тихо спросила она.

Ей было больно ощущать себя вещью, которую можно купить.

– Я не хотел, чтобы ты попала в руки Маккензи.

Имоджен стояла перед герцогом в корсете, панталонах, чулках и туфельках.

– Когда я это понял, – продолжал Тренвит, – до меня дошло, что я сам хочу заняться тобой. Когда ты сидела у меня на коленях, от тебя исходило удивительное тепло.

Эти воспоминания были, видимо, приятны ему.

Герцог вдруг вскочил с кровати, и Имоджен вздрогнула от неожиданности. Однако его нежные объятия ее успокоили. Тренвит осознавал свою силу и отлично себя контролировал.

Он раздвинул ноги Имоджен и, сняв с нее панталоны, бросил их на пол – туда, где уже лежало ее платье. Его большие сильные руки орудовали удивительно ловко. Девушка не проронила ни звука. Она боялась выдать себя – показать свое возбуждение. Чтобы устоять на ногах, она вцепилась в плечи герцога.

Их глаза встретились, а губы едва не слились в поцелуе. Имоджен боялась посмотреть вниз на его вставший член. Она чувствовала жар и влагу в промежности. Впервые в жизни она предстала перед мужчиной обнаженной, никогда еще чужие руки не касались интимных частей ее тела.

«Господи, – в панике думала Имоджен, – как я переживу все это? Как я могла отважиться на такой шаг?»

Тренвит положил руки на ее бедра, и девушку охватила дрожь. Он погладил ее, пытаясь успокоить.

– Изо всех испытаний, выпавших на мою долю, самым трудным было искушение, которое ты уготовила мне за столом. Я едва пережил эту сладкую пытку. Когда ты сидела у меня на коленях, твоя горячая промежность жгла мне бедра, – признался он.

Его бесстыдные слова испугали Имоджен, она охнула, однако Тренвит закрыл ей рот поцелуем. Его губы были жесткими, требовательными. В крепких сильных объятиях герцога она чувствовала себя хрупкой и ранимой. Он вполне мог раздавить ее. Однако, как ни удивительно, вместе с тем она испытывала чувство защищенности.

Язык Тренвита проник ей в рот. Герцог все крепче сжимал ее в объятиях, прижимал к груди. Она слышала, как он постанывает от удовольствия, и ее возбуждение нарастало.

Издаваемые им звуки словно эхом отзывались в ней. Имоджен ошибалась, думая, что прежде уже целовалась с мужчинами. Таких жарких жадных поцелуев у нее еще не было. У девушки перехватывало дыхание от страсти герцога и от собственного возбуждения. Ее мысли путались и разбегались, как стайка охваченных паникой куриц, которых выгнали из курятника. От Тренвита пахло виски и пороком, и Имоджен казалось, что поцелуй опьянил ее.

Тренвит посасывал сначала нижнюю губу Имоджен, потом верхнюю и, наконец, кончик ее языка. Ощущения были новыми и острыми. У нее кружилась голова.

Руки герцога тоже не оставались без дела. Они пробежались по бедрам и ягодицам девушки, а затем скользнули в промежность. Имоджен тщетно попыталась сжать бедра.

– Не двигайся, – прошептал он, тяжело дыша.

Имоджен быстро заморгала, стараясь сдержать выступившие на глазах слезы.

– Не обращайте внимания… Мы можем уже перейти к… главному? – пролепетала она.

Имоджен хотела, чтобы все поскорее закончилось. Она боялась, что в случае промедления утратит мужество. Кроме того, ее распирало любопытство. Она чувствовала себя распутной – нет, не шлюхой, любовницей. Вместе с тем она понимала: все, что Тренвит сейчас с ней делает, таит в себе опасность, но не могла его остановить.

Этот мужчина разбудил в ней страсть, задел тайные струны. Если бы она испытывала к нему отвращение, ей в дальнейшем было бы легче. А теперь мера ее позора и стыда увеличится.

Руки герцога снова легли на ее талию. Он внимательно посмотрел на Имоджен, на его лице читалось удивление.

– Должно быть, твои клиенты не заботились о том, чтобы доставить тебе удовольствие, – промолвил он.

Имоджен не сразу ответила. Она помолчала, закусив губу.

– Вы правы, – наконец прошептала она.

Его глаза горели жарким огнем. Он прижался лбом к ее лбу и чмокнул Имоджен в нос. Эта дружеская ласка тронула ее сердце.

– Знаешь, почему я выбрал тебя? Почему заплатил двадцать фунтов? Твоя экзотическая красота, конечно, пленяет, но дело не в ней…

Имоджен зарделась от комплимента.

– Твои глаза заставили меня сделать выбор, – продолжал Тренвит. – Они прекрасны, но в них таится усталость. И напряжение. Судя по всему, у тебя нелегкая жизнь.

Встревоженная тем, что ее взгляд смог рассказать о ней так много, Имоджен быстро опустила ресницы. В ее горле возник комок. Она боялась расплакаться. В голосе герцога слышались нотки сострадания.

– У меня была трудная неделя, – сказал он. – Ты, наверное, слышала о том, что произошло в моей семье.

Имоджен кивнула. Жалость к нему приглушила собственную боль.

Герцог провел пальцем по ее щеке, как будто призывая девушку поднять глаза. Она робко посмотрела на него, и ее снова поразила красота Тренвита, к которой невозможно было привыкнуть.

– Я пришел сегодня в ваше заведение, чтобы напиться до беспамятства… – Его глаза подозрительно увлажнились. Он замолчал, собираясь с духом, а затем продолжил хрипловатым голосом: – Я хочу найти забвение в твоих объятиях, хочу, чтобы мы насладились друг другом сегодня ночью. Это поможет нам забыться. А утром все вернется на круги своя. День снова расставит все по местам. Нужно исполнять свой долг, невзирая на горести и усталость. Я отправлюсь в… – Герцог вовремя спохватился и прикусил язык. – Неважно, куда я отправлюсь. Жизнь продолжится, несмотря на наши потери и обретения. Несмотря на то, хотим мы чего-то или нет.

Сердце Имоджен вдруг наполнилось состраданием к этому человеку. Не отдавая себе отчет в том, что делает, она обхватила ладонями его лицо. Герцог потерял близких. В такой ситуации даже самый мужественный человек нуждается в сочувствии и утешении.

– Главное, чтобы ты получил удовольствие, Коул, – прошептала она. – Не беспокойся обо мне.

Тренвит судорожно вздохнул.

– Тогда вот, держи. – Он схватил руку Имоджен и положил ее на свой вздыбленный член, который на ощупь оказался шелковистым и горячим.

Имоджен ахнула, но послушно его обхватила. Ее глаза расширились от испуга. Она не знала, что делать дальше. Чего хотел от нее герцог?

– Ну, вот видишь, – простонал Тренвит. – Я знал, что было бы лучше сначала подготовить тебя. Даже самые опытные… дамы иногда теряются.

Имоджен судорожно сглотнула и, разжав руку, убрала ее с члена. Она поняла, что Тренвит хотел сказать «опытные шлюхи», но не стал ее обижать.

– Позволь мне сделать тебе приятное, – промолвил он и пылко ее поцеловал. – Представим, что мы любовники, а не чужие люди, и насладимся друг другом.

Его рука нырнула в промежность Имоджен и стала ласкать укромные уголки ее тела. Девушка ахнула и задрожала. По-видимому, эта ласка доставляла герцогу не меньше удовольствия, чем ей. Во всяком случае, он тяжело дышал и постанывал сквозь стиснутые зубы.

Тренвит потирал плоть Имоджен до тех пор, пока ее не пронзило острое наслаждение. Тогда он на время убрал руку и снова впился в ее губы. Девушка почувствовала внутри чрева ноющую, пульсирующую пустоту, которую нужно было заполнить. Она стала машинально делать волнообразные движения бедрами, как будто приглашая любовника к решительной атаке. Пальцы Тренвита снова проникли в ее промежность. Не прерывая поцелуя, он ласкал набрякший кровью бутон ее плоти между ног. От восторга у Имоджен перехватило дыхание. Ее ногти впились в плечи герцога. Казалось, волна наслаждения унесет ее сейчас далеко от земли.

– Коул… – всхлипнула девушка, чувствуя, как дрожит каждая клеточка ее тела.

– Да! – прорычал он. – Я хочу, чтобы ты кончила!

Вихрь новых эмоций и ощущений подхватил Имоджен, она не помнила себя от восторга. Из ее груди вырвался крик, из глаз брызнули слезы. Руки Тренвита творили чудеса. Она хотела сказать ему об этом, но лишилась дара речи. Накал чувств был столь велик, что Имоджен впилась зубами в плечо герцога. Он хрипло застонал – скорее от наслаждения, чем от боли, и увлек девушку на кровать.

– Боже, ты просто чудо, – задыхаясь, промолвил он. – Теперь ты готова к соитию.

Герцог перевернул ее на спину и, навалившись сверху всем своим мощным телом, широко раздвинул ноги Имоджен. Поза показалась ей очень неудобной. Она хотела попросить его подождать, дать ей время прийти в себя, но Тренвит запечатал ей рот долгим страстным поцелуем.

Он бормотал скабрезные слова, перемежая их грязными ругательствами, некоторые из них Имоджен слышала впервые. Глаза герцога горели похотливым огнем. Похоже, он утратил контроль над собой, им владело вожделение, жажда получить разрядку.

Тренвит приподнялся, выгнул шею и мощным толчком вошел в Имоджен, мгновенно прорвав слабую преграду. Имоджен громко всхлипнула от боли. Она понимала, что лишилась девственности, но ее партнер не заметил этого. Из его груди вырывались стоны страсти. Слезы выступили на глазах Имоджен, она до крови закусила губу, чтобы не закричать и, превозмогая боль, прижалась лбом к плечу герцога. Девушка боялась, что он рассердится, если увидит ее лицо, залитое слезами.

– Господи, какое тесное влагалище, – пробормотал Тренвит.

Его член выскользнул из лона Имоджен и тут же опять вошел в него, на этот раз глубже, снова причиняя ей острую боль. Тем не менее она чувствовала, как ее тело понемногу свыкается с новым положением, эластичные мышцы лона растягиваются и плотно смыкаются вокруг горячего твердого члена Тренвита.

– Очень тесное… – тяжело дыша, повторил он.

Темп его толчков возрос и вскоре стал бешеным. Лоно Имоджен превратилось в комок нервов, оно пылало так, как будто было охвачено огнем. Девушка спрашивала себя: сможет ли она когда-нибудь снова расслабиться так, чтобы испытать наслаждение, ни с чем несравнимое блаженство? Сможет ли опять пережить оргазм?

Тренвит глухо застонал и вышел из нее. Его вздыбленный член все еще подрагивал. Затем волна мощной судороги пробежала по телу герцога, он запрокинул голову, и Имоджен увидела на его лицу выражение, которое можно было бы назвать страдальческим, и тут же почувствовала, как на ее бедро пролилась струя теплой влаги.

Имоджен отвернулась, ей было неловко наблюдать за человеком, переживавшим экстаз. Она была чужой на этом пиру страсти.

Имоджен увидела лежавшую рядом с ее головой руку Тренвита с надувшимися от напряжения венами и вдруг подумала о том, что никогда в жизни не видела ничего более прекрасного.

После любого сильного шторма наступают минуты томительной тишины и покоя. Так произошло и теперь, когда Имоджен и Тренвит стали понемногу приходить в себя. Герцог все еще лежал на девушке, восстанавливая дыхание. Ей показалось, что он прошептал слово «никогда». Однако его поглотила темнота.

Все было кончено. Имоджен потеряла невинность. Нет, не потеряла, а продала.

Подумав немного, девушка решила, что ее жертва не была напрасной. Сделка оказалась выгодной для нее. Минус год работы в отвратительном заведении дель Торо, а это стоило нескольких секунд боли. Правда, потеря девственности грозила ей пожизненным одиночеством, но безопасность сестры была для Имоджен дороже личного счастья.

Она совершила выгодную сделку, продав свою девственность за двадцать фунтов стерлингов.

Тренвит вдруг нежно поцеловал ее, и мрачные мысли Имоджен сразу же рассеялись. Его ласки доставляли ей истинное наслаждение. Эти сильные умелые мужские руки творили чудеса.

Тренвит со стоном приподнялся, скатился с постели и потянулся к полотенцам, свешивавшимся из тазика, который стоял рядом на тумбочке. Они были красного цвета, как и все остальное в этой комнате. Имоджен устраивал их цвет, поскольку на красном не видна была кровь. Тренвит обтер одним полотенцем интимные части своего тела, а второе дал Имоджен. Проявляя деликатность, герцог не следил за ее действиями, и Имоджен спокойно вытерла остатки семени с бедра. Она была благодарна любовнику за то, что он предусмотрительно прервал половой акт, предохраняя ее от беременности.

Судя по всему, герцог Тренвит не хотел, чтобы его первый ребенок был незаконнорожденным сыном шлюхи.

Имоджен думала, что он сейчас встанет, оденется и уйдет, оставив ее наедине со своими мыслями. Однако Тренвит вдруг снова повернулся к ней, нашарил крючки корсета и стал их расстегивать. Его движения были резкими и грубыми.

– Что ты делаешь? – спросила Имоджен, надеясь его остановить.

– Снимаю с тебя корсет, – объяснил герцог, бросая его на пол.

– Нет… нет… не надо! – запротестовала Имоджен.

Теперь она была абсолютно голой и попыталась закрыть грудь руками. Тренвит подтянул ее тело на подушки, и Имоджен почувствовала себя неуклюжим маленьким животным.

Она подняла колено, пытаясь защититься от герцога. Он молча пристально смотрел на нее, его карие глаза пылали томным огнем. Наконец из его груди вырвался звук, похожий на урчание довольного сытого зверя. Это было нечто среднее между мурлыканьем и рычанием. Во всяком случае, так показалось Имоджен.

Руки герцога стали поглаживать интимные места девушки, и ее снова бросило в жар. Она и не предполагала, что прикосновения к коленям, низу живота, выделявшимся на ее худом теле ребрам могут так сильно ее возбудить.

– Тебе надо больше кушать, – заявил Тренвит, явно недовольный ее худобой.

Имоджен кивнула с натянутой улыбкой. Не могла же она сказать герцогу, что пустой кошелек, долги отца и два голодных рта, которые ждали ее дома, не располагают к любовным утехам. Она бы с удовольствием ела больше, но ей, как бездомной кошке, доставались одни скудные объедки. Впрочем, какое дело было до этого герцогу? Имоджен не собиралась посвящать его в обстоятельства своей жизни. В данный момент она не испытывала голода. Более того, таяла от наслаждения в его объятиях.

Тренвит погладил ее по бедру выставленной вперед ноги, а потом его рука скользнула на ягодицу. На ней у Имоджен была слегка выпуклая отметина – большое родимое пятно. Наткнувшись на него, Тренвит усмехнулся.

– Тебе кто-нибудь говорил, что твое родимое пятно по форме напоминает наш остров? – спросил он и, наклонившись, припал к нему губами.

– Нет, – застенчиво призналась Имоджен.

Никто, кроме матери, не видел родимое пятно на ее ягодице, но она не стала говорить об этом Тренвиту.

– Сейчас я поцеловал Корнуолл, – сказал герцог, а затем его губы переместились к северу. – А это Эдинбург.

И он снова прижал теплые губы к ягодице Имоджен. По ее коже забегали мурашки. Герцог потерся носом о носик Имоджен, а потом чмокнул ее в губы.

– Иметь подобную карту на своем теле – очень патриотично, – с усмешкой заявил он. – Причем ты носишь ее на таком чудесном месте. Прими благодарность от имени королевы и всей страны.

Имоджен невольно улыбнулась.

И тут герцог убрал ее руки, которыми она все еще прикрывала свою наготу, и положил голову на ее обнаженную грудь. Девушка едва не ахнула, догадавшись, что Тренвит собирается остаться. Он решил спать с ней, провести всю ночь в одной постели! Вот это номер!

Тренвит с довольным видом сладко зевнул.

– Спасибо, – пробормотал он сонным голосом.

Рука герцога легла на ее грудь, и Имоджен заметила, что грудь уместилась в его ладони. Он вел себя с ней так, как ведет себя хозяин со своей собственностью, и это смущало девушку.

Впрочем, возможно, она неправильно оценивала его поведение.

– Ты представить себе не можешь, что ты сегодня сделала для меня, – устало продолжал Тренвит. – Ты превратила кошмар в… в нечто прекрасное.

Тронутая его словами, Имоджен положила ладонь на его руку. Интересно, слышал ли герцог биение ее сердца?

– Я знаю, что ты не хочешь об этом говорить, – промолвила она, – но я все же скажу: я сочувствую тебе, ты понес невосполнимую потерю.

Тренвит замер, и у Имоджен упало сердце.

– Вообще-то меня все поздравляют, – наконец ответил герцог. – Хотя действительно я потерял почти всех, кто что-то значил для меня в этой жизни. Тем не менее окружающие говорят, что мне повезло: я, третий ребенок в семье, наследую герцогский титул и все богатства Тренвитов.

Имоджен не знала, что и сказать на это. Она была согласна с герцогом в том, что его друзья неправильно оценивали ситуацию.

– Я любил брата, – мрачно продолжал Тренвит. – Он и Хеймиш Маккензи всегда были самыми близкими для меня людьми. А отец… он был добрым, прямым и удивительно сентиментальным человеком. Мне его будет не хватать.

В голосе герцога слышались горькие нотки, и у Имоджен заныло сердце.

– А какие отношения у тебя были с матерью?

– Мы с ней не были особенно близки, но я любил ее. И она, наверное, любила меня по-своему. Хотя дороже всех на свете для нее был Роберт, потому что я постоянно досаждал ей своими шалостями и проступками. Наследником рода был он, а я – так, запасной фигурой, как говорится. – Тренвит хмыкнул. – Если бы она была жива, ей бы не понравилось, что герцогский титул достался мне.

Он невесело засмеялся.

– Я уверена, что она гордилась бы тобой.

Имоджен понимала, что вряд ли это было бы так, но ей отчаянно хотелось подбодрить Тренвита. Он крепко обнял ее, и на сердце Имоджен стало тепло.

– Я никогда не хотел быть герцогом, – зевнув, посетовал Тренвит.

– В таком случае ты уникальный человек, вряд ли в мире найдется второй такой, – пошутила Имоджен.

Тренвит издал смешок.

Имоджен вспомнила тот день, когда потеряла отца. Он был добрым человеком, хотя порой забывал дорогу домой. Добрый нрав не помешал ему проиграть и пропить все деньги семьи. Он оставил жену и двух дочерей ни с чем.

– Ах, отцы, отцы… – вздохнув, промолвила Имоджен. – Они порой оставляют нам в наследство то, к чему мы меньше всего готовы. И тогда нам остается только одно – справляться в одиночку с той трудной ситуацией, в которую мы по их вине попали. Надо стараться уладить все проблемы и не обращать внимания на тех, кто судачит за нашей спиной. Ты не должен жить с оглядкой на приятелей, скрывать чувства горя и скорби, Колин Толмедж. А окружающие пусть катятся ко всем чертям!

– Ты – удивительный человек, Джинни, я еще таких не встречал, – пробормотал Тренвит, уткнувшись лицом в ее грудь.

– И что же во мне такого удивительного? – поинтересовалась Имоджен, наслаждаясь теплом, исходившим от его большого тела. Весенняя ночь была

довольно прохладной.

– Ты сумела сохранить искренность в мире, полном обмана, – объяснил он.

Тронутая словами герцога, Имоджен переплела свои пальцы с его пальцами.

– Джинни – твое настоящее имя? – спросил он.

– Нет, – призналась она.

– В таком случае, как тебя зовут на самом деле?

Имоджен едва разобрала эти слова, произнесенные уже в полусне, а за ними последовал тихий храп.

– Имоджен, – прошептала она, и по ее щеке скатилась слеза.

Ей было горько сознавать, что она делила постель с человеком, который даже не знал ее имени. Они, по существу, не были знакомы. И теперь уже никогда не будут…

– Меня зовут Имоджен Причард, ваша светлость, – тихо представилась она. – Рада с вами познакомиться.

Глава 3

Лондон

Август 1877 года

«Герцог Тренвит жив!» – такими заголовками пестрели сегодняшние газеты Великобритании от «Таймс» до «Телеграф». Сенсационные материалы были

вынесены на первые страницы и сразу же привлекли внимание читателей.

Торопливо спустившись с платформы железнодорожного вокзала Чаринг-Кросс, Имоджен на мгновение замерла, услышав голоса уличных разносчиков газет, но затем снова быстро зашагала в направлении Королевской больницы Святой Маргариты. Через десять минут она должна была заступить на дежурство. Доктор Фаулер был человеком педантичным и не терпел опозданий.

Однако услышанная краем уха новость не выходила у нее из головы. Более того, она как будто осветила все вокруг. Мир, окружавший Имоджен, снова стал светлым и радостным.

Колин Толмедж был жив!

В прошлом году Имоджен, как и все британцы, с прискорбием узнала из газет, что Тренвит пропал без вести. Все это время она хранила в памяти воспоминания о проведенной с ним ночи. Прошлой весной Имоджен покинула красную комнату в заведении «Голые киски» ранним утром, пока Тренвит спал. Она, как и сейчас, спешила на работу в больницу. Больше они не виделись.

Герцога Тренвита, любимого сына Англии, по приказу Букингемского дворца искали все – от военно-спасательных отрядов до криминальной полиции Скотленд-Ярда. Но его следов не удалось обнаружить.

Из опубликованных в газетах итогов расследования Имоджен узнала, что Тренвит около полудня сел на корабль, направлявшийся в Индию, и после этого от него не поступало никаких вестей.

В прессе и обществе высказывалось множество предположений по поводу того, что могло произойти с герцогом. Возможно, он заблудился в джунглях или стал жертвой живущих там диких племен. Он мог погибнуть в ходе стычки между турками и русскими. А может быть, он был подкуплен султаном и остался у него на службе? Версий было много, некоторые из них выглядели фантастическими. Высказывались даже предположения, что Тренвит создал вдали от цивилизации собственное небольшое государство и обзавелся гаремом. В конце концов, власть запретила публикацию скандальных статей, однако желтая пресса не подчинилась запретам. Время от времени на ее страницах появлялись новые версии таинственной судьбы исчезнувшего герцога, Колина Толмеджа.

Будучи третьим ребенком в одной из самых знатных и богатых семей Британии, Колин в юности вел распутный образ жизни, проматывал деньги, тратя их на дорогих куртизанок и другие, не всегда законные удовольствия. В конце концов пришедший в отчаянье от его выходок отец купил ему место в армии. Журналисты много времени и сил посвятили тому, чтобы установить послужной список Колина. Это было непросто сделать. Колин какое-то время служил в подразделении под командованием подполковника Лайама Маккензи, прозванного Демоном-горцем. А после место службы и чин Колина Толмеджа стали засекречены.

Авторы газетных статей с возмущением писали о том, что пэр, один из самых знатных людей королевства, сразу же после кончины родителей и брата был послан в смертельно опасную экспедицию. Как могло такое произойти? Не были ли гибель семьи герцога Тренвита и исчезновение его младшего сына Колина звеньями одной цепи? Может быть, Колин был замешан в трагедии, произошедшей с его близкими? На страницах газет замелькало слово, которое шепотом повторяли приятели Колина в заведении «Голая киска» в памятную для Имоджен ночь – «шпион».

Имоджен часто мысленно возвращалась к той ночи. Она помнила, как искусно Колин уходил от ответов на вопросы, связанные с его службой, с его отъездом и целью поездки. Она молилась за него, за его безопасность, за его жизнь. Какими бы темными делами ни занимался герцог Тренвит, к ней он был добр. Имоджен не могла забыть его великодушие, нежность и ласки. В ту ночь их связывали не только физические наслаждения, но и душевное тепло. Герцог, конечно, не вспоминал о ней, но его светлый образ навсегда остался в памяти девушки.

Быстро поднявшись по лестнице к черному ходу больницы Святой Маргариты, Имоджен взглянула на часы, которые были приколоты к лифу ее платья, словно брошь. Она опоздала на одиннадцать минут. Имоджен встревожилась, доктор Фаулер непременно отчитает ее за это. Торопливо положив перчатки и сумочку в свой шкафчик в раздевалке младшего медицинского персонала, она схватила фартук и шапочку и бросилась к двери. Ее каблуки выбивали барабанную дробь по каменному полу коридора, когда она спешила в свое отделение, на ходу надевая накрахмаленный белый передник поверх черного платья. У Имоджен была всего одна пара обуви, и ее левый ботинок давно соскальзывал с ноги при быстрой ходьбе, но она не могла себе позволить отнести его в ремонт из-за нехватки денег.

Напомнив себе, что ей нужно стянуть в кладовке немного клейкой ленты для того, чтобы укрепить ботинок на ноге, она повернула направо и начала торопливо подниматься по черной лестнице на верхний этаж, надевая на ходу медицинскую шапочку. На третьем этаже находились операционная и переполненные палаты, а на четвертом, верхнем, располагался пост Имоджен, в палатах ее крыла лежали состоятельные пациенты.

Больница Святой Маргариты была дорогой клиникой, здесь лежали пациенты, которые могли себе позволить оплатить дорогостоящее лечение. Ходячие больные, посетители, спонсоры и врачи передвигались по парадной лестнице. А младший медицинский персонал обычно пользовался черной, как это сделала Имоджен. Поэтому ее не удивил тот факт, что она никого не встретила на своем пути.

Ее голова была занята мыслями о Колине. Тем не менее, когда она вышла на площадку четвертого этажа, ее встревожила необычная тишина. Вокруг не было ни души.

Куда же все подевались? Может быть, само провидение помогло ей избежать встречи со старшей медсестрой Гибби и доктором Фаулером? Неужели ее опоздания так никто и не заметит? Имоджен ускорила шаг. Чтобы добраться до своего поста в южном крыле, ей нужно было миновать длинный широкий коридор. А там она примется смешивать микстуры и раскладывать таблетки, делая вид, что давно пришла на работу. Но сначала Имоджен зайдет в палату лорда Анструтера. Все знали об их взаимной симпатии, и персонал мог подумать, что она пришла вовремя, но задержалась у постели старого графа. Обычно перед дежурством Имоджен всегда заглядывала к нему, и это не вызывало нареканий у доктора Фаулера.

Но завернув в коридоре за угол, девушка едва не столкнулась с Гвен Фитцгиббон, своей коллегой, которая работала в северном крыле.

Гвен, крепкая, сообразительная ирландка, схватила Имоджен за плечи и прижала спиной к стене. Имоджен не стала сопротивляться, она сразу заметила, что в широком просторном коридоре собрался почти весь персонал больницы Святой Маргариты. Люди в белых халатах стояли вдоль стен в несколько шеренг, словно военные.

Имоджен поразила тишина, царившая здесь, несмотря на многолюдство. Ей казалось, что она слышит стук собственного сердца. В конце коридора она заметила военных в черно-красных мундирах. Но расстояние было слишком велико, и девушка не могла разглядеть, чем они занимались. Синие искрящиеся глаза взволнованной Гвен были исполнены благоговения.

– Ее Королевское Величество и мистер Дизраэли беседуют с доктором Фаулером, – промолвила она.

Имоджен охватил трепет.

– Что? – не веря своим ушам, переспросила она.

Неужели в их больницу явились высокие гости – королева Англии и премьер-министр? Как она могла такое пропустить? Почему королева Виктория и Бенджамин Дизраэли пришли в тот самый момент, когда Имоджен не находилась на своем посту?

Девушка испытала разочарование. Она почувствовала себя несчастной, обделенной. О, как ей не повезло! Впрочем, сожалеть об упущенной возможности увидеть вблизи королеву было поздно.

– То, что слышишь, – нетерпеливо сказала Гвен, кивнув в сторону королевской свиты, окруженной телохранителями. – Ее величество приехала к нам, чтобы проведать своего дальнего родственника. Неужели ты еще ни о чем не знаешь?

– Дальнего родственника?

У Имоджен от радости и беспокойства бешено забилось сердце и вдруг онемели ноги и руки.

– Ты хочешь сказать… – начала было она, но тут же осеклась, боясь, что произнесенное слово может каким-то магическим образом привести к катастрофе.

Мысли у нее в голове путались. Значит, Тренвит и правда жив. Но если он узнает ее, может случиться беда.

– Да, я хочу сказать, что Колин Толмедж, герцог Тренвит, был доставлен в нашу больницу, – подтвердила Гвен догадки Имоджен. – И теперь находится у нас на лечении.

Имоджен схватилась за горло, ей вдруг стало нечем дышать.

– Но я его еще не видела, – вздохнув, продолжала ирландка.

– Почему? – спросила Имоджен, стараясь придать своему голосу бодрый тон.

– Говорят, герцог находится в ужасном состоянии, я не знаю всего, но слышала, что у него тиф.

– Нет… – прошептала Имоджен, хватаясь за сердце.

Гвен пожала плечами.

– Тем не менее это так. Его с большим трудом удалось вернуть на родину. Врачи опасались, что герцог не переживет эту ночь.

– Вернуть на родину? Откуда?

Вытянув шею, Имоджен взглянула туда, где находилась королева. Стены коридора были, как это положено в больницах, окрашены в белый цвет, и пестрая свита четко выделялась на их фоне.

Королева Виктория, статная импозантная дама, облаченная в ворох черных шелков, стояла, как пестик среди лепестков чудесного цветка, в окружении одетых в малиновую форму охранников. Ее звучный голос отдавался эхом под сводами больничного коридора, но слов Имоджен не смогла разобрать. Наверняка ее собственный шепот не мог помешать общению королевы с доктором Фаулером. Придя к такому заключению, Имоджен заговорила смелей.

– Так где же герцог был все это время? – спросила она. – Ты что-нибудь слышала об этом?

Гвен некоторое время молча со страхом и долей сомнения смотрела на королеву, как будто не слыша вопроса коллеги. Будучи ирландкой и католичкой, она, вероятно, в глубине души с недоверием относилась к английской короне.

– Ты что, газет не читаешь? – наконец, повернув голову к Имоджен, сказала Гвен.

– Я проспала сегодня утром и еще не видела газет, – призналась девушка.

После ночной работы в «Голой киске» смертельно усталая Имоджен упала на постель и тут же заснула. Изабелл с трудом разбудила ее и тем самым спасла от увольнения за опоздание.

– Ну хорошо, слушай, – сказала Гвен. – По сведениям лондонской прессы, герцог заразился тифом в индийских джунглях. Такова официальная версия.

Гвен вдруг замолчала, делая драматическую паузу, и Имоджен захотелось встряхнуть ее, заставить выложить все, что она знала. Однако девушка вовремя спохватилась и взяла себя в руки. Почему она с такой жадностью ловит малейшую информацию о человеке, с которым была едва знакома?

Более того, герцог был опасен для нее, он мог погубить ее репутацию.

– У тебя есть основания сомневаться в достоверности этой версии? – осторожно спросила Имоджен, стараясь не напугать Гвен своей напористостью.

– Странно то, каким образом герцога вызволяли из джунглей, – понизив голос, снова заговорила Гвен. – В Индии сейчас находится половина королевской армии, не так ли? – Гвен бросила на собеседницу многозначительный взгляд. – Однако за Тренвитом почему-то послали Демона-горца из Англии.

– Но, может быть… – заговорила Имоджен, но тут до нее донесся громкий голос доктора Фаулера.

– Сестра Причард! – Этот призыв прокатился по всему больничному коридору. Доктор отвлекся от разговора с ее величеством и нетерпеливо огляделся вокруг. – Сестра Причард, где вы? Подойдите ко мне!

От неожиданности Имоджен окаменела, она была не в силах пошевелиться. Но тут ее выручила Гвен. Она вытолкала Имоджен на середину коридора, и доктор Фаулер увидел ее.

– А, сестра Причард, вот вы где!

Освещенная газовыми светильниками лысина доктора покрылась испариной, это был единственный знак того, что доктор находился в некотором замешательстве. Впрочем, он, как всегда, сохранял невозмутимый вид.

Доктор Фаулер, главный врач больницы Святой Маргариты, направился к Имоджен. Она обомлела, когда увидела, что за ним последовала и королева. Наблюдая, как эти двое медленно приближаются к ней, Имоджен чувствовала, что ее душа уходит в пятки.

Когда ее величество и доктор Фаулер остановились, Имоджен заставила себя сделать реверанс. Ее тело плохо слушалось, ноги были ватными.

– В вашем личном деле, мисс Причард, – сказал доктор Фаулер, – я прочитал, что вы переболели тифом до прихода в наше учреждение.

– Да, сэр, это так, – подтвердила Имоджен, стараясь говорить спокойно и внятно, и потупила взор.

Она как будто боялась, что окружающие прочитают в ее глазах позорную тайну, которую она тщательно скрывала.

– Тиф – заразная болезнь, – продолжал доктор, – мы боимся, что может начаться эпидемия. Нельзя рисковать жизнью медицинского персонала. Вы – единственная медсестра, у которой есть иммунитет к тифу. Поэтому я назначил вас личной медсестрой герцога Тренвита.

У Имоджен перехватило горло от множества противоречивых эмоций, это был широкий спектр чувств – от радости до паники. На несколько секунд она лишилась дара речи.

– Судя по всему, эта девушка скромна и прилежна, доктор Фаулер, – произнесла королева Виктория, окидывая Имоджен проницательным взглядом.

– Благодарю вас, ваше величество, – пролепетала Имоджен.

– Очень важно, мисс Причард, чтобы Тренвит был окружен заботой и получал хороший уход и лечение. Он настоящий герой и во что бы то ни стало должен выжить. Вы меня поняли? – отчетливо, с торжественной интонацией промолвила королева.

Имоджен с тяжелым сердцем кивнула, не в силах произнести ни слова. Из тех, кто заболевал тифом, выживала обычно только половина. Если Тренвит не выживет, ее могут обвинить в его смерти.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие вашего величества, – промолвила она.

– Будем надеяться на лучшее, – сказала королева.

– Доктор Лонгхерст находится в палате герцога, дадим ему еще четверть часа, чтобы он умыл и одел пациента, прежде чем мы войдем, – промолвил доктор Фаулер, как всегда, суровым тоном.

Имоджен снова сделала реверанс.

– Пойдемте, доктор Фаулер, нам нужно обсудить в вашем кабинете несколько деталей деликатного свойства, – произнесла королева, и они проследовали по коридору мимо Имоджен.

По дороге доктор раздавал поручения медицинскому персоналу. Когда они скрылись из виду, Имоджен и Гвен изумленно переглянулись.

У Имоджен в запасе оставалось еще пятнадцать минут, и она должна была использовать их, чтобы успокоиться. Девушка поспешила в палату лорда Анструтера. Общение с ним всегда благотворно действовало на нее.

– Ах, моя дорогая мисс Причард! – воскликнул пожилой пациент, увидев ее.

В его голосе слышалась такая искренняя радость, что у Имоджен сразу же стало тепло на душе.

– Добрый день, лорд Анструтер, – поздоровалась она.

Ее глаза быстро привыкли к полумраку, царившему в роскошно обставленной палате. Тщедушная фигура немощного семидесятилетнего графа едва угадывалась на широкой кровати под ворохом одеял. Голова лежала на высоко взбитых подушках, худые плечи были закутаны в темный шелковый халат.

– Как вы себя чувствуете сегодня? – спросила Имоджен с грустной улыбкой. – Опишите свое состояние, чтобы я могла отметить его в вашей карточке.

– У меня такое чувство, будто у меня в груди паровой двигатель. Но это все пустяки.

Граф поднял руку, чтобы помахать перед собой, и Имоджен с болью в сердце отметила, как истончилась его кожа. Сквозь нее просвечивали голубые жилки.

– Надеюсь, вы принесли мне рисунок скульптуры «Лежащая вакханка»? – спросил граф и повертел головой на подушке так, словно пытался разглядеть то, что находилось за спиной Имоджен.

Однако там ничего не было. Имоджен стало стыдно. Она обещала сделать для графа в субботу, когда обычно посещала художественную галерею, эскиз со скандально известной скульптуры Жан-Луи Дюрана, но не сдержала слово. Работа была привезена из Франции и выставлена на короткий срок, после чего должна была вернуться на родину. Анструтер, который беззаветно любил искусство, посетовал, что из-за болезни не сможет быть на открытии выставки, и Имоджен заявила, что запечатлеет для него скульптуру во всех непристойных подробностях. Но хозяин «Голой киски» заставил ее работать сверхурочно, и она не попала на выставку.

– Нет, милорд, прошу прощения, что не сдержала слово. Мне не удалось посетить галерею, – ответила Имоджен.

Она была так сильно смущена, что боялась взглянуть в добрые карие глаза графа. Девушка боялась потерять доверие друга.

– Я зашла сообщить вам о том, что мы не сможем видеться какое-то время. Мне поручили ухаживать за тифозным больным, и я вынуждена буду вести себя осторожно, чтобы не занести заразу в вашу палату.

– Вы говорите, что в больнице появился пациент, который болен тифом? – удивился граф.

Его серебристые кустистые брови были сведены к переносице. Лицо графа выражало беспокойство.

Имоджен наклонилась, чтобы проверить пульс пациента.

– Не знаю, слышали ли вы, – заговорщицким тоном промолвила она, – что к нам привезли герцога Тренвита.

– Тренвита? Значит, его нашли? Этот негодник, малыш Колин Толмедж, жив?

Худое изможденное лицо тяжелобольного расплылось в улыбке, скорее похожей на оскал. Имоджен попыталась скрыть изумление. Ей бы никогда не пришло в голову назвать Тренвита малышом.

– Я беспокоился о мальчике, – признался старик. – Моя городская усадьба находится рядом с усадьбой Тренвитов. Я знал всю его семью, начиная с прадедушки. – Граф покрутил свои жидкие усы и вдруг закашлялся, что вызвало у Имоджен беспокойство. Однако приступ вскоре прошел и граф продолжил: – Значит, у Колина тиф… А как же вы? Вы же тоже можете заразиться. Это очень опасно!

Имоджен покачала головой.

– Нет, я уже переболела тифом.

– И все же угроза заражения остается. Позовите доктора Фаулера, я попрошу, чтобы он нашел кого-нибудь другого для ухода за герцогом.

Имоджен была тронута заботой графа.

– Боюсь, вам придется иметь дело с самой королевой. Хотя, наверное, она уже покинула больницу.

– Здесь была королева? Ну надо же! Какое событие в жизни нашей больницы! – Граф вздохнул. – И все же не понимаю, почему вы отказываетесь навещать меня? От старости и смерти нет лекарств, мне уже ничего не страшно в этой жизни. Неужели какой-то тиф помешает нашему общению, разговорам об искусстве?

Услышав нотки горечи в его голосе, Имоджен почувствовала, как у нее защемило сердце. Граф страдал от одиночества.

– Дорогой лорд Анструтер, вы же знаете, я никогда не соглашусь, чтобы из-за меня пациенты подвергались опасности, особенно те, кого я всем сердцем люблю.

Граф фыркнул.

– Как только вы увидите Тренвита, пусть и прикованного к постели тяжелой болезнью, вы сразу забудете обо мне, дорогая моя. Он красив, как дьявол, и не обременен моралью.

Имоджен охватило любопытство, и она опустилась на край постели графа.

– Вы хорошо знали нынешнего герцога Тренвита? Каким он был в детстве и юности? – поинтересовалась она.

– Дети семьи Толмедж выросли у нас на глазах, я имею в виду себя и мою жену Сару, – с готовностью ответил граф. Его жена умерла пятнадцать лет назад, но граф до сих пор ее оплакивал. – Саре особенно нравился Колин. Мальчуган вечно вертелся у ее юбки, когда она выходила в сад, чтобы нарвать мяты к чаю. Это было, конечно, еще до того, как он начал проявлять к женщинам совсем другой интерес. Ну, вы понимаете, что я имею в виду… Маленький Колин был лишен материнской ласки, у его матери было холодное сердце, упокой Господь ее душу.

Имоджен улыбнулась.

– Значит, он был хорошим мальчиком в детстве?

– Коул? Хорошим? Вовсе нет! Но моя Сара всегда умела ладить с нами, негодниками, она укрощала нас доброй улыбкой. – Глаза графа светились от нежности, когда он вспоминал покойную жену. – У нас не было детей, поэтому, наверное, Сара с удовольствием возилась с соседским мальчиком. Она следила за его судьбой и даже всплакнула, когда Колин поступил на службу ее величества. Сара гордилась им.

– Говорят, что герцог заразился тифом в Индии, – сказала Имоджен.

Она ловила каждое слово лорда Анструтера.

– Не знаю, что там вышло в Индии, – ответил он, – но в руки моего камердинера, Чивера, попала американская газета. В ней была напечатана статья Януария Макгэна о том, что он видел в Болгарии человека, очень похожего по описанию на Тренвита. И этот парень сражался, как дьявол, во время апрельского восстания. На глазах Макгэна его захватили в плен турки.

– Но турки отрицают, что в апреле в Болгарии было восстание, – возразила Имоджен. – И если бы Тренвит был свидетелем этих событий, то турки наверняка убили бы его, не так ли?

– Ну, если бы они узнали, что их пленник – человек королевской крови, то вряд ли осмелились бы поднять на него руку, – пожав плечами, заявил граф. – Возможно, за него заплатили выкуп.

От волнения и долгого разговора граф снова закашлялся. У него был рак легких – болезнь, от которой еще не придумали лекарств. Один Бог знал, сколько ему осталось жить на этом свете.

Имоджен взглянула на часы и поспешно встала.

– Я попрошу Гвен сделать вам компресс и принести лекарства. Обещаю, что сделаю эскиз со скульптуры… как только смогу.

У Имоджен вдруг стало тяжело на душе, она понимала, что ее друг скоро умрет.

– Поцелуйте меня на прощание, – попросил граф и подставил щеку.

Имоджен наклонилась и коснулась губами его прохладной, сухой кожи.

– Хорошенько заботьтесь о нашем мальчике, Колине Тренвите, – напутствовал ее Анструтер. – Бедняга, он потерял всю семью. Это были достойные люди.

– Как и вы, милорд, – сказала Имоджен и вышла из палаты графа.

Имоджен долго стояла в коридоре перед закрытой дверью в палату Тренвита. Она никак не могла собраться с духом и войти. До нее доносился голос доктора Лонгхерста, который был сейчас у герцога. И она благодарила Бога за то, что у нее есть возможность немного прийти в себя.

Девушка со страхом и нетерпением ожидала встречи с Тренвитом.

Мимо нее прошла изящная миловидная белокурая медсестра с охапкой белья, от которого дурно пахло. Она выронила что-то и нагнулась, чтобы подобрать. Если девушка направляется в прачечную, то она должна будет пройти мимо поста, на котором дежурила Гвен. Имоджен попыталась вспомнить имя миловидной медсестры. Она была новенькой, но, тем не менее, ее знакомили с Имоджен. Девушка работала на третьем этаже, где находились переполненные палаты. Ее имя начиналось на букву «М». «Мэгги, Мэри», – стала перебирать в уме Имоджен.

– Молли! – окликнула она, вдруг вспомнив имя новенькой. – Вас зовут Молли, не так ли?

Вздрогнув, девушка повернулась и с удивлением взглянула на Имоджен. Из ее рук упало еще несколько грязных полотенец.

– Это я из-за вас уронила! – заявила Молли.

Ее хрупкая фигура и акцент свидетельствовали о том, что она родилась южнее Йоркшира. С гримасой отвращения на лице медсестра встала на колени, чтобы собрать разбросанное белье.

– Если на коврах останутся пятна, то вы будете их чистить, – сказала Молли. – Хотя я не могу взять в толк, зачем в больнице, где повсюду кровь и всякая грязь, застилают полы коврами. По-видимому, это делает какой-то изнеженный идиот, которому хочется ходить по мягким ковровым дорожкам. Почему мы должны следовать его причудам?

Имоджен опешила, услышав ее раздраженные речи.

– Прошу прощения, позвольте, я помогу, – предложила она и шагнула к девушке.

Но та отскочила от нее в испуге.

– Не подходите ко мне, – потребовала Молли. – Я не хочу заразиться тифом, да еще и навлечь на себя гнев Драконши.

Имоджен вдруг стало жаль ее. Бедняжка опасалась, что ей устроит нагоняй Драконша, Бренда Гибби, которая была старшей медсестрой на четвертом этаже. По правде говоря, Имоджен сама боялась эту женщину, как огня.

– Я еще не заходила в палату герцога, – успокоила она Молли. – Вы не можете заразиться от меня.

– Мне некогда болтать с вами, у меня дел по горло, – проворчала Молли. – А вы лучше ступайте к его светлости и запритесь там, чтобы никого не заразить.

– Я хотела попросить вас об одной услуге, – нерешительно промолвила Имоджен, видя, что девушка с недоверием поглядывает на нее. – Не могли бы вы попросить сестру Гвен зайти в палату лорда Анструтера?

– Хорошо, я передам ей вашу просьбу, – неожиданно согласилась Молли, чем сильно удивила Имоджен. – Мы все завидовали вам, медсестрам, которые работают на четвертом этаже, – вдруг призналась Молли. – У вас здесь все так чинно, благородно. Но теперь, когда я вижу, что вас посылают к тифозным

больным, я вам не завидую.

Имоджен усмехнулась. С богатыми капризными пациентами было не так легко работать, как это могло показаться со стороны. У них имелись свои причуды и повышенные требования, от которых порой голова шла кругом, но она не стала рассказывать об этом Молли.

Когда девушка ушла, Имоджен снова повернулась к закрытой двери. За ней находился человек, о котором она постоянно думала на протяжении целого года.

Колин Толмедж, или, как Имоджен мысленно его называла, Коул.

Она подняла руку, чтобы открыть дверь, но та вдруг распахнулась, едва не ударив Имоджен по лбу. Перепугавшись до смерти, девушка отпрянула.

– О, доктор Лонгхерст… – пробормотала она, увидев молодого врача, который вздрогнул от неожиданности, столкнувшись в дверях с медсестрой.

По словам доктора Фаулера, Альберт Лонгхерст был медицинским светилом, самым гениальным врачом столетия. И Имоджен разделяла это мнение. В душе она немного жалела доктора Лонгхерста, который казался ей человеком не от мира сего. Это был молодой, энергичный мужчина, который говорил быстро, обрывая фразы, и в своих суждениях впадал порой в крайности. Иногда он проглатывал слова, и тогда его было трудно понять.

– Сестра Причард, в эту комнату нельзя. Здесь тиф, – произнес доктор.

На его лоб упала прядь волос цвета горячего шоколада, глаза у мужчины были зеленые. Доктор Лонгхерст явно не следил за своей внешностью и редко ходил к парикмахеру. Но взъерошенные волосы не делали его менее привлекательным.

– Я уже переболела тифом, – объяснила Имоджен. – Доктор Фаулер назначил меня личной медсестрой его светлости.

– О, отлично, – сказал молодой врач, откидывая длинную челку со лба. Видимо, он только что заметил, что забыл причесаться, собираясь сегодня утром на

работу. – В таком случае, прошу в палату.

Он шире распахнул дверь и пропустил Имоджен вперед.

– Вы знакомы с Уильямом? Он тоже когда-то переболел тифом и будет помогать вам ухаживать за лордом Тренвитом.

– Конечно, мы знакомы, здравствуйте, Уильям, – поздоровалась Имоджен с находившимся в палате молодым светловолосым парнем.

Он приветливо кивнул и тут же затараторил:

– Мне надо идти, но если я понадоблюсь, звякните в этот колокольчик. Видите? Потяните за веревочку, он зазвенит, и я вернусь в мгновение ока. Вы не успеете сосчитать до десяти.

– Спасибо.

Имоджен едва разобрала его скороговорку. Впрочем, все ее внимание было приковано к пациенту, спящему на кровати. Когда Уильям ушел, девушка подошла к Коулу. Его лицо было бледным, как мел. Или как простыня, которой он был укрыт.

Имоджен не нравилось его учащенное поверхностное дыхание.

– Как… как он? – с трудом произнесла она, не заботясь о том, что дрожащий голос мог выдать ее эмоции.

– К сожалению, он человек недалекий, с неба звезд не хватает, но зато силен, как бык, и услужлив.

Имоджен с недоумением взглянула на доктора. Ей понадобилось время, чтобы понять, о ком он говорит.

– Нет, я спрашиваю не об Уильяме. Я имею в виду Тренвита.

– А, вот вы о ком! – Доктор быстрым шагом подошел к кровати. – Признаюсь, прогноз неблагоприятный. Лихорадка не отступает. Жар не удается сбить. Я уже все перепробовал.

Лонгхерст тяжело вздохнул так, словно лихорадка была живым существом, на которое он злился за неуступчивость и строптивость.

– Если бы здоровье герцога не было подорвано физическим истощением, вызванным продолжительным голоданием и последствиями ранений, то я дал бы больше шансов на его выздоровление.

Имоджен снова посмотрела на Коула, который находился в забытьи. Его конечности беспокойно подергивались, а глазные яблоки под опущенными веками двигались.

Имоджен видела произошедшие с ним тревожные изменения. Он сильно исхудал. На его лбу и вокруг глаз появились резкие глубокие морщины. Лицо заливала мертвенная бледность.

Тем не менее Тренвита можно было узнать. Это был тот самый мужчина, с которым Имоджен год назад провела ночь. «Слава богу, Коул вернулся домой, – думала она, – вернулся ко мне».

Имоджен слушала доктора вполуха, однако смысл его слов все же постепенно до нее дошел.

– Вы говорили о ранениях? Герцог ранен?

Вместо ответа Лонгхерст откинул простыню в сторону, и Имоджен ахнула.

– О боже!

– Бог тут ни при чем, – мрачно промолвил доктор, который, вообще-то, привык к человеческим страданиям, но в данном случае не сумел сдержать эмоций, – это сделали люди.

Взгляду Имоджен предстало ужасное зрелище. Все тело герцога было в черных синяках, гематомах и шрамах.

– Кто его так? – только и сумела произнести она.

Его тазобедренные кости выпирали под тонкой белой тканью кальсон. Живот провалился. Герцог был сильно истощен и походил на скелет. Его, видимо, не только морили голодом, но и жестоко пытали. Некогда золотистая кожа цвета залитого солнцем ячменного поля в августе теперь напоминала бледный воск. Она была испещрена ссадинами, порезами, которые уже зарубцевались или были зашиты хирургом, и синяками. По их характеру можно было сделать вывод, что Тренвита держали связанным по рукам и ногам. От грубой веревки остались следы не только на правом запястье и лодыжках, но и на шее.

Имоджен закрыла глаза, на нее нахлынула волна смешанных чувств – от сострадания до гнева.

Левой кисти у Коула не было…

Глава 4

– Да вы сейчас разреветесь! – с тревогой воскликнул доктор Лонгхерст, бросив на нее озабоченный взгляд.

– Нет, я не буду плакать, – сделав глубокий вдох, произнесла Имоджен. Она не могла оторвать глаз от перевязанной культи герцога. – Но как все это произошло? Кто искалечил лорда Тренвита?

Герцог пошевелился и пробормотал что-то нечленораздельное. Наклонившись, Имоджен поправила простыню, заботливо укрыв пациента.

– Думаю, это сделали турки, – понизив голос так, словно их мог кто-то подслушать, сказал Лонгхерст и огляделся по сторонам. – А теперь помогите мне открыть окна. Последние исследования показали, что свежий, чистый воздух помогает бороться с лихорадкой. Особенно когда жаропонижающие

средства оказываются бесполезными.

Чувства Имоджен все еще находились в смятении. Тем не менее она послушно последовала примеру доктора и стала открывать окна, хотя ей не хотелось отходить от постели герцога.

– Вы действительно думаете, что это турки? – спросила Имоджен. Она уже слышала сегодня эту версию. – Вы тоже читаете американские газеты?

Лонгхерст как-то странно посмотрел на нее.

– Нет, но я долгое время жил бок о бок с персами и турками, когда изучал восточную медицину и фармакологию. Я проникся уважением к этим народам, но вместе с тем я видел, как они поступают со своими врагами. Вы когда-нибудь слышали о законах шариата?

– К сожалению, нет.

– Если человека в некоторых общинах уличают в воровстве, то ему отрубают руку.

– Какое варварство! – поморщившись, воскликнула Имоджен.

– Они не больше варвары, чем мы, западные люди, поверьте мне.

Имоджен прижала руку к груди. Неужели Тренвит действительно попал в плен к туркам? Неужели он участвовал в апрельском восстании? И все это время его держали в застенках? Целый год… Сколько же страданий он перенес! Она даже представить не могла, какие испытания выпали ему на долю.

– Я хочу открыть окно. Как вы думаете, доктор Фаулер не будет против? – спросила девушка.

Ей отчаянно хотелось вернуться в разговоре к привычным обыденным вещам, чтобы успокоиться. Имоджен боялась, что Лонгхерст заметит, как сильно она переживает, и поймет, что она испытывает к Тренвиту нежные чувства.

Она открыла окно, и в комнату ворвался свежий, весенний воздух. Он принес сладкий запах печеной кукурузы и корицы, булочки с которой продавали уличные торговцы. Этот аромат перебивал неприятные запахи города – дыма, конского навоза и вони, доносившейся с Темзы.

– Пусть Фаулер заткнется, – заявил Лонгхерст. – В медицинских журналах написано, что надо чаще проветривать помещения. А Фаулер не верит научным изысканиям, он ретроград.

Молча согласившись с молодым доктором, Имоджен вернулась к постели Коула и просмотрела его лечебную карту. Ему прописали всевозможные лекарства и процедуры, которые были положены пациенту, находившемуся в подобном состоянии. Ничего не было упущено. Однако холодные ванны, микстуры и травяные чаи пока не произвели лечебного эффекта.

– Что еще мы можем сделать для нашего пациента, доктор Лонгхерст? – с дрожью в голосе спросила Имоджен.

К ее удивлению, врач положил руку ей на плечо.

– Все, что мы можем сейчас сделать, это обеспечить лорду Тренвиту покой. И еще – молиться за него. Впрочем, вам при этом не следует пренебрегать своими обязанностями. Нужно регулярно делать перевязки.

– Я готова помогать вам во всем… – начала было девушка, но Лонгхерст ее перебил.

– Не хочу показаться грубым или бесчувственным, сестра Причард, но, в отличие от вас, у меня никогда не было тифа. Чем меньше времени я проведу в этой палате, тем лучше. Для моих пациентов и для меня. Поэтому львиная доля ухода за пациентом ляжет на ваши плечи.

Имоджен бросило в жар от мысли, что она останется наедине с Тренвитом.

– О, доктор Лонгхерст, я все понимаю. Если вам не трудно, распорядитесь, чтобы Уильям принес сюда бинты, лед и воду.

Лонгхерст кивнул, бросив на нее пристальный взгляд.

– Если состояние больного изменится, немедленно позовите меня.

– Хорошо, сэр.

Она не заметила, как он ушел. Ее сердце сжималось от тревоги за Коула. Он был на грани жизни и смерти. Долго так продолжаться не могло. Коул в ближайшее время должен был или пойти на поправку, или… умереть.

Имоджен отогнала тяжелые мысли. Ей нельзя было раскисать. Склонившись над больным, она положила ладонь ему на лоб. Это прикосновение вызвало в ее душе бурю эмоций.

Лоб был невероятно горячим, как будто раскаленным. Ее страх быть опозоренной, лишиться доброго имени улетучился сразу же, как только она увидела Коула. Да, он мог узнать ее, назвать проституткой, мог рассказать окружающим о том, где она работает по ночам, но теперь все это было неважно. Да, Имоджен сразу же уволят, если станет известно о ее работе в «Голой киске», но почему-то теперь ее это не пугало.

Она боялась только одного – смерти Коула. Она должна была спасти его от костлявой старухи с косой. Герцог был святым и грешным человеком, мерзавцем и героем, грубым и одновременно нежным любовником.

И теперь он нуждался в ее помощи, заботе, уходе. Имоджен откинула с высокого лба герцога влажную от пота прядку волос. Ее переполняли нежные чувства к нему.

– Ты будешь жить, Коул, – прошептала она. – Я все сделаю для того, чтобы ты выздоровел.

Тиф, эту опасную болезнь, в народе называли тюремной лихорадкой. Ею болели обычно заключенные и городская беднота. Она поражала тех, кто жил в нищете и пил гнилую воду. Инфекция распространялась быстро и превращалась в эпидемию. Имоджен заразилась тифом, когда жила в трущобах, но ей посчастливилось выздороветь.

Такие люди, как Тренвит, редко заражались тифом, поскольку жили в роскоши, были крепкими и хорошо питались. В каких же нечеловеческих условиях пришлось целый год жить Тренвиту?! Имоджен благодарила Бога за то, что его все-таки освободили и доставили в Англию, где сохранялся шанс на его спасение.

Вскоре явился Уильям со всем необходимым для ухода за пациентом, и Имоджен приступила к работе. Ей необходимо было обтереть тело герцога льдом, чтобы сбить температуру.

– Может быть, ему нужно справить нужду, медсестра Причард? – спросил Уильям. – Он не ходил на горшок с тех пор, как его привезли.

Имоджен нахмурилась.

– Нет, пока ничего не надо, – сказала она. – Я позвоню, если понадобится ваша помощь.

Отказавшись от услуг Уильяма, она дождалась, когда за ним закроется дверь, и сняла с Тренвита влажную от пота простыню.

Стараясь сохранять спокойствие и не впускать в душу отчаяние, девушка обмакнула мягкую тряпку в ледяную воду, выжала ее и вытерла высокий лоб герцога. Он вздрогнул от прикосновения холодной ткани, но потом повернул голову к Имоджен так, как будто ее действия приносили ему облегчение.

В памяти Имоджен запечатлелся прежний облик Тренвита. Это был невероятно красивый мужчина, его физические данные едва ли не достигали совершенства. Часто, по выходным, гуляя по Гайд-парку, она останавливалась у статуи Ахиллеса. Сходство этого древнегреческого героя и Тренвита было очевидным.

Теперь же тело герцога представляло собой жалкое зрелище. Он походил на скелет, обтянутый кожей. Голод превратил его в живую мумию. Имоджен обтерла шею Коула и верхнюю часть груди. Она обнаружила на ней еще не заживший рубец, который тянулся от ключицы к плечу. Его не было год назад.

Не было на его коже и странных отметин, похожих на следы впившейся в тело гальки. Что это могло быть? У Тренвита было многих других ран и порезов, которые еще не успели зажить.

Губы Тренвита высохли и потрескались, из его груди вырывались стоны. Он тяжело дышал и бредил. Имоджен не могла разобрать слов, которые он бормотал в полузабытьи. Однако вслушавшись в его речь, она услышала: «Марш… штыки… копайте…» – и похолодела.

Какие кошмарные видения недавнего прошлого терзали его?

Имоджен еще раз окунула тряпку в ледяную воду и протерла тело герцога. По его телу пробежала судорога, он застонал, а потом вдруг расслабился. Ледяная вода принесла его разгоряченному телу вожделенную прохладу.

– Прости, что беспокою тебя, Коул, – прошептала Имоджен, проверяя бинты на его бицепсе.

Герцогу нужно было сделать перевязку. Сняв бинты, Имоджен аккуратно смазала йодом шов и наложила чистую повязку.

– Я делаю все это потому, что хочу, чтобы ты остался жив. Я знаю, что причиняю тебе неудобства, но потерпи немного. Ты должен бороться за свою жизнь так, как борюсь за нее я.

– Джинни? – вдруг отчетливо услышала она и в ужасе замерла.

Так Имоджен звали только в «Голой киске». Она невольно огляделась по сторонам. В ее душе боролись страх и радость. Радость от того, что Тренвит говорит. Он узнал ее голос после года разлуки, после всех суровых испытаний, через которые прошел.

Имоджен встала и отошла от постели. Однако Тренвит начал беспокойно метаться, вертя головой в разные стороны. Он как будто искал знакомое лицо и не находил. Из его груди вырвались всхлипы. Тренвит был в отчаянье. Его искалеченная рука без кисти свесилась с кровати.

Звуки, которые издавал Тренвит, разрывали Имоджен сердце.

– Джинни, – позвал он снова, на этот раз громче, и она не могла не ответить ему.

– Я здесь, Коул, – сказала Имоджен и снова присела на краешек кровати. – Я здесь. Ты помнишь меня?

Она взяла из хрустальной вазочки кусочек льда и положила его в рот раненого. Тренвит пососал лед, и это принесло ему облегчение.

Имоджен снова взялась за тряпку и окунула ее в тазик с холодной водой.

– Джинни. – Герцог зарыл правую руку в складки ее юбки, и Имоджен удивилась, что у него на это хватило сил. – Все вокруг было объято огнем, Джинни, – простонал он. – И я решил, что нахожусь в аду.

– Я знаю, – прошептала она, снова убирая с пылающего лба упавшую прядь непослушных влажных волос.

Имоджен, конечно же, ничего не поняла из его слов, но хотела успокоить Коула, вселить в него уверенность в том, что она сочувствует ему всем сердцем.

– Но там был снег. Снег… – снова заговорил Коул. – Ад – это не огонь, Джинни, это лед.

– Тс, – произнесла она, видя, как сильно он разволновался. К ее горлу подкатил комок, и она боялась, что расплачется. Она не знала, что сказать, чем утешить раненого. – Успокойся, теперь ты в безопасности.

Имоджен засомневалась в правильности своих действий. Если ужасные переживания герцога были как-то связаны с холодом, со льдом, то обтирания были для него сейчас сродни пытки. Но как еще она могла сбить высокую температуру?

– Прости, – прошептала она, чувствуя, что на ее глаза набегают слезы.

И все же она продолжила обтирать его тело, перейдя к ногам. Тренвит застонал и снова произнес ее имя. Затем у него перехватило дыхание, и мышцы напряглись.

Имоджен беспомощно наблюдала, как его посиневшее тело бьется в конвульсиях. Если бы он не был так слаб, то в эту минуту, пожалуй, мог бы пнуть ее ногой. Слава богу, у герцога не было сыпи на теле. Когда Имоджен болела тифом, ее постоянно мучило ощущение мурашек, бегающих по всему телу, словно докучливые муравьи. Это было очень неприятное чувство. Ей казалось, что муравьи медленно пожирают ее плоть.

Тренвиту повезло, он был избавлен от столь неприятных ощущений.

Тихо напевая, Имоджен положила ему на нижнюю губу кусочек льда. Он начал таять, и в рот герцога закапала вода. Похоже, раненому это понравилось. Он вздохнул с облегчением, и девушка поднесла к его губам еще один кусочек.

– Ты мне снилась, – прошептал Тренвит. – Мне снилась кровь. И ты.

– Ты тоже снился мне, – призналась Имоджен, положив ладонь на его лоб.

Лоб горел огнем, температура не спадала.

– Проклятье, – пробормотала она и встала.

– Нет, не уходи… – слабым голосом запротестовал Тренвит и с удивительной силой уцепился за ее юбку.

– Тише, Коул, тише, – попыталась она успокоить пациента, разжимая его пальцы.

Когда Коул произносил ее имя, его голос звучал нежно, и у Имоджен таяло сердце. Сама она понижала голос до интимного шепота, когда называла его по имени. Вообще-то ей следовало обращаться к герцогу «ваша светлость», но учитывая сложившиеся обстоятельства, фамильярность была простительным грехом.

– Я сделаю перевязку, – продолжала Имоджен, – а потом ты поешь немного бульона и выпьешь чая.

Девушка уселась на край кровати у ног раненого, положила его левую руку себе на колени и взяла ножницы, чтобы разрезать бинты на культе. Но как только ножницы коснулись его кожи, Тренвит сильно дернулся и застонал. Если бы у Имоджен была плохая реакция, Тренвит поранился бы.

Тогда она решила размотать бинты на культе. Сделать это было не так-то просто, потому что Тренвит сильно вздрагивал и дергался при малейшем давлении на рану.

Имоджен всегда считала себя опытной медсестрой, которую трудно вывести из равновесия видом ран. Однако она ахнула от ужаса, когда увидела изувеченное запястье Тренвита.

Рана уже начала затягиваться. На нее наложили бессистемные швы. Деформированная форма культи свидетельствовала о том, что герцогу оказали помощь не сразу после увечья и что он долго не получал должного лечения.

Борясь с накатившими на нее чувствами, Имоджен смазала рану йодом. При этом герцог начал брыкаться, и Имоджен едва успела увернуться от удара ногой. Тренвит кричал от боли, метался в постели. Девушка беспомощно уставилась на него. Однако тут в ее душу начали закрадываться сомнения.

Жар, бледность кожных покровов, бред и судороги… Все это были симптомы тифа. Но таких симптомов этой опасной болезни, как сыпь и надсадный, сухой кашель, у герцога не наблюдалось. Да, его дыхание было поверхностным, пульс – слабым… Уильям к тому же сказал, что пациент ни разу не помочился и не опорожнился с тех пор, как был доставлен в больницу Святой Маргариты.

Вскочив с места, Имоджен выбежала из комнаты и бросилась на поиски доктора Фаулера. Она поняла, что Тренвит страдал не тифом, однако его болезнь была не менее опасной.

Глава 5

– Сестра Причард, я и не предполагал, что вы склонны к истерике. – У доктора Фаулера когда-то были пухлые щеки, но теперь кожа их свисала. Он с хмурым высокомерным видом поглядывал на Имоджен. – Диагноз ясен, у лорда Тренвита тиф. Любой медик подтвердит его. Это хрестоматийный случай. Диагноз поставили врачи, которые лечили Тренвита в Индии.

Доктор Фаулер свято верил в то, что Тренвита доставили из Индии, а не из Болгарии или Турции.

– Значит, сами вы диагноз не ставили, а положились на мнение других врачей, – уточнила Имоджен.

– Осторожнее, сестра Причард, вы на опасном пути. – В голосе доктора Фаулера звучало предостережение.

Он был явно недоволен Имоджен.

– Я не хочу проявлять к вам неуважение, доктор Фаулер, – начала девушка, – но все же выскажу свое мнение по поводу диагноза. Я считаю, что мы имеем дело с септицемией. Если бы вы только видели, как его светлость отреагировал на мои прикосновения к культе…

– Бедняга, ему отрубили кисть, – нетерпеливо перебил ее Фаулер. – Или отпилили, судя по ее внешнему виду. Рана все еще причиняет ему страдания.

– Не просто страдания, а острейшую боль!

– Она опухла, сестра Причард?

Доктор Фаулер смотрел на Имоджен с таким пренебрежением, как будто перед ним была мышь, которую следовало уничтожить.

– Я бы не сказала, что она опухла, но рана плохо заживает, поэтому…

– Она воспалена и горяча на ощупь?

– Он весь горит.

У Имоджен не было истерики, доктор напрасно обвинял ее в этом, но в ее голосе звучали нотки отчаяния.

– Но сама рана не воспалена, она не красного цвета, да? – допытывался Фаулер. – Нет абсцесса или явных отеков?

Имоджен не хотела уступать, но и лгать не могла.

– Может быть, вы найдете время и зайдете, чтобы осмотреть…

– Вы что же, думаете, что я не осматривал культю? – возмущенно сказал доктор. – Вы намекаете на то, что я пренебрег своими обязанностями, проявил халатность?

– Я не собираюсь ни в чем обвинять вас. Но разве вы не планируете делать операцию его светлости на культе, чтобы придать ей более правильную, округлую форму? Она страшно деформирована. Вы могли бы во время этой процедуры сами убедиться, права я или нет. В любом случае, его светлости будет удобнее жить с хорошо обработанной культей.

– Какой бред! Я не могу подвергать жизнь ослабленного болезнью пациента риску, кладя его на операционный стол! Если я это сделаю, то потеряю всякое доверие и доброе имя. Меня могут лишить медицинской практики. Нет, нет, моя дорогая, я этого не сделаю. И потом, герцог находится в таком плачевном состоянии, что ему сейчас не до эстетики, не до внешнего вида руки. Он, скорее всего, долго не протянет, поэтому…

Имоджен от негодования всплеснула руками. Подбежав к письменному столу из красного дерева, за которым с важным видом восседал главный врач больницы, она стукнула кулаком по столешнице.

– Мы не можем допустить, чтобы герцог умер, доктор Фаулер! Наш долг – сделать все возможное, чтобы он выздоровел. Поэтому мы должны испробовать все средства, перебрать все варианты. А что если я права? Неужели вам трудно еще раз осмотреть пациента и уточнить диагноз?

– Я не понимаю, что здесь происходит, – возмутился доктор Фаулер.

Он поднялся, вышел из-за стола и остановился перед Имоджен. Они стояли почти вплотную, и девушке стоило большого труда выдержать это противостояние и не отшатнуться от главного врача. Она чувствовала себя Давидом перед сражением с Голиафом. Только вот у нее не было пращи. Не было армии. Не было обширных знаний в области медицины.

– Я ценю ваше усердие, – произнес доктор, – я знаю, что ее величество поручила вам заботиться о Тренвите. В руках королевы сосредоточена большая власть, она многое может, но не все подвластно ей. Жизнь герцога находится в руках Божьих. Вероятность того, что он выживет, мала. – Фаулер подошел к двери и широко распахнул ее, давая медсестре понять, что она свободна. Он, по существу, выпроваживал ее из кабинета. – Не принимайте все так близко к сердцу, моя дорогая. Ваше усердие и старания делают вам честь, и я обещаю, что смерть герцога никак не повлияет на вашу карьеру. Вас никто не упрекнет, что вы не смогли выходить тяжелобольного пациента. Вы должны ухаживать за герцогом, обеспечивать ему комфорт, а ставить диагнозы – это задача врачей.

Имоджен трясло от ярости. Она не любила конфликты и всегда их избегала. Но сейчас она готова была идти до конца, настаивая на своем. Имоджен презирала невежд и эгоистов, которые не терпели, когда их мнение ставили под сомнение люди более низкого ранга.

Из-за высокомерия Фаулера Коул мог погибнуть. Как доктор не понимал этого?

– Всего хорошего, сестра Причард, – поторопил ее Фаулер, и Имоджен, кипя от злости, пулей вылетела из кабинета.

Она сразу же направилась в лабораторию, где по ее расчетам должен был находиться доктор Лонгхерст. Ее сердце сжимало отчаянье.

– Вы должны что-то предпринять, или он умрет! – выпалила она с порога, задыхаясь от быстрой ходьбы и переполнявших ее эмоций.

– О чем вы, сестра Причард? – удивленно глядя на нее через толстые круглые линзы очков, спросил Лонгхерст. В этих очках он напоминал сову. Схожесть усугубляла его непослушная кудрявая шевелюра, короной вздымавшаяся надо

лбом.

– Я говорю о Коуле… ой, простите, о его светлости. Я считаю, что у него сепсис, а не тиф. Мне кажется, что рана на руке стала причиной заражения крови. Но на это до сих пор никто не обратил внимания.

Лонгхерст осторожно поставил колбу, которую держал в руке, на полку одного из многочисленных стеллажей, стоявших в комнате. Имоджен ходила между ними, как по лабиринту.

– Я видел культю, мы осматривали ее вместе с доктором Фаулером, когда меняли повязку. – Взгляд Лонгхерста за стеклами очков стал задумчивым, он как будто копался в памяти, стараясь припомнить мельчайшие детали. – Я не заметил абсцесса. Никаких признаков инфекции или нагноения. Вены не были обесцвечены. Хотя я помню, что пациент бурно реагировал на малейшее прикосновение к покалеченной руке. Это показалось мне тогда ненормальным. – Доктор испытующе посмотрел на Имоджен. – У вас есть какие-то доводы в пользу нового диагноза? Я готов выслушать их.

Имоджен понимала, что должна быть краткой, чтобы Лонгхерст выслушал ее до конца.

– Как вы знаете, я перенесла тиф, поэтому мне хорошо знакомы его симптомы. Тиф почти всегда сопровождается зудящей сыпью. Кроме того, вам постоянно кажется, что ваши легкие набиты ватой, и вы пытаетесь откашляться, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения. Но оно не проходит. И еще у вас проблемы с желудком, создающие, мягко говоря, некоторые неудобства.

– Вам нет нужды перечислять симптомы тифа, сестра Причард. Я их прекрасно знаю. – Лонгхерст нетерпеливо расстегнул манжеты рубашки и стал закатывать рукава. – Простите, но у меня много работы.

Имоджен пришла в ужас от того, что снова столкнулась с мужским эгоизмом, но она не намерена была отступать.

– Я считаю, доктор Лонгхерст, что у Тренвита наблюдается не весь комплекс симптомов, характерных для тифа, а лишь некоторые, причем не основные. Он скорее хрипит, чем кашляет. Хрип и кашель – не одно и то же. У пациента к тому

же отсутствует сыпь. Если бы у него была сыпь, но не было кашля или был бы кашель, но не было сыпи, можно было бы говорить о необычном проявлении болезни. Но у Тренвита отсутствуют оба главных симптома!

Лонгхерст на мгновение задумался, а потом кивнул, тряхнув кудлатой головой, и поправил очки на переносице.

– Хорошо, но почему вы решили, что у Тренвита сепсис?

– Вы сами отметили боль в культе. Жар у пациента усиливается. Ему трудно дышать. Пульс учащенный и слабый, едва прощупывается. Уильям говорит, что Тренвит ни разу не справил нужду. Все эти симптомы указывают на сепсис.

Лонгхерст торопливо направился к двери.

– Я должен еще раз осмотреть Тренвита, – на ходу заявил он. – Если дела обстоят так, как вы описали, то нам нужно срочно информировать доктора Фаулера и готовиться к операции.

– Я уже говорила с доктором Фаулером. Он не хочет ничего слышать. – Имоджен схватила Лонгхерста за руку. – Я боюсь, доктор Лонгхерст, что если еще и вы заведете с ним разговор о сепсисе, то он объявит нам обоим по выговору и, что будет еще хуже, запретит лечить герцога.

– Уж этот мне Фаулер… – Лонгхерст сплюнул так, как будто ему было противно произносить это имя. – Уму непостижимо, как этого тупого человека могли назначить главным врачом больницы! Он, конечно, силен в финансовой сфере, умеет привлекать средства для нашего учреждения, но в медицине он – ноль. – Лонгхерст вдруг спохватился. – Простите меня за излишнюю горячность.

– Я с вами согласна, – вздохнув с облегчением, сказала Имоджен. – Так вы поможете Тренвиту? Вы – его единственная надежда.

– Я больше фармацевт, чем хирург. Лечение его заболевания не в моей компетенции. – Лонгхерст с нерешительным видом огляделся в лаборатории. – Если я сделаю несанкционированные процедуры, то могу потерять должность.

– А если не сделаете, то человек может потерять жизнь! – чуть не плача, воскликнула девушка.

Глаза Лонгхерста потеплели.

– Вы хорошо сделали, что напомнили мне об этом. Пойдемте, посмотрим на вашего больного.

Когда Имоджен была маленькой девочкой, у них в доме жила кошка по имени Айрис, которая родила несколько котят. Один из них, по кличке Икар, сильно привязался к Имоджен и следовал за ней повсюду по пятам. Он не оставлял ее, даже когда она принимала ванну. По ночам котенок спал у нее на груди, свернувшись калачиком. И Имоджен старалась не шевелиться, прислушиваясь к дыханию спящего животного. Однажды она попыталась дышать с Икаром в унисон, но вскоре оставила свои попытки. От учащенного дыхания у нее закружилась голова.

И вот сейчас, стоя рядом с Лонгхерстом, который осматривал Тренвита, Имоджен заметила, что дыхание герцога было столь же учащенным и поверхностным, как у Икара.

Когда Лонгхерст ощупывал изуродованное запястье Тренвита, тот только судорожно дергался и мычал. На громкие хрипы и стоны у него, по-видимому, уже не было сил. Имоджен понимала, что Коул угасает.

Наконец Лонгхерст закончил осмотр и повернулся к девушке. У него был озабоченный вид.

– Подготовьте анестезию и хирургические инструменты, – приказал он и добавил: – Надеюсь, что делать операцию еще не слишком поздно.

Глава 6

В разные периоды жизни в представлении Коула менялось понятие ада. В юности ад представлялся ему туманным местом сомнительного происхождения,

преисподней, созданной воображением религиозных стариков, которые пугали адом мятежную пытливую молодежь. Мать Коула часто упоминала ад, считая его местом наказания, куда непременно попадет ее младший сын. Она использовала любую возможность, чтобы напомнить ему об этом.

Когда Коул поступил на военную службу, ад для него стал ощутимой реальностью, полем боя, где гремели орудия, слышалась оружейная пальба, кричали от боли люди, и лилась человеческая кровь.

Но настоящий ад начался для него в марте 1876 года, когда его захватили в плен турки и бросили в тюрьму где-то между Болгарией и Константинополем. Из ада его вызволили через год, 20 апреля, когда вспыхнуло апрельское восстание. Коул больше года провел в заточении. Унылые дни сменялись пытками, а затем о Коуле вновь надолго забывали. Со временем он стал думать, что страдания – это возмездие за молодость, проведенную в погоне за удовольствиями. Его физические мучения были всепоглощающими, как оргазм, он ощущал боль каждой клеточкой тела. И как ни пытался он достойно переносить муки, из его груди вырывались стоны и крики. Когда боль становилась нестерпимой, Коул погружался в забытье. Так, например, произошло, когда он лишился кисти руки.

Временами сознание к нему возвращалось. Коул цеплялся за него потому, что какие бы мучения ни приносил день, ночью во сне к нему приходила она, Джинни. Поэтому он был готов терпеть пытки.

Имя Джинни казалось Коулу смешным. Оно не подходило этой женщине. Красота Джинни, девушки с копной кудрявых черных волос, была знойной, экзотической. Глаза в обрамлении густых темных ресниц сверкали, как драгоценные камни, подчеркивая фарфоровую белизну кожи. Она была худенькой и гибкой, как тростинка. Джинни отличала грациозность, а ее чувственность казалась естественной, а не наигранной, как у большинства проституток, обученных искусству обольщения.

Джинни не набрасывалась на мужчин, не пыталась сунуть руку в их кошелек, и это подкупало Коула. Она вообще вела себя как-то странно – настороженно и неуверенно. Эта девушка представлялась Коулу олененком, которого ему хотелось приласкать и покормить с руки.

Темными ночами, когда холод пробирал Коула до костей, он вспоминал, как тепло ему было с Джинни. Как она прижималась к нему, уткнувшись лицом в изгиб его шеи. Как она содрогалась в экстазе, и в ее кошачьих глазах отражалось изумление.

Коул мечтал вернуться к ней в комнату цвета крови и заключить ее в объятия. Прижать к себе ее худенькое тело, которое могло защитить его от боли. Она представлялась ему маленькой нежной птичкой, но именно у этой девушки Коул искал спасения.

В полузабытьи он как будто слышал ее смутный шепот, который успокаивал и придавал ему сил. Он помнил, как она попросила его не скрывать боль и печаль. Она позволила ему чувствовать скорбь.

Джинни, проститутка, девушка, у которой была грубая жестокая профессия… Но именно она одарила его теплотой своей души. Коулу казалось, что никто никогда не относился к нему с таким искренним сочувствием и пониманием. В ту ночь она стала его другом.

За год, проведенный в аду, Коул стал еще больше ценить эту девушку, ее душевное участие и искренность. Нет, она не была святой, но для Коула память о ней стала священной. Со временем черты ее лица в его памяти поблекли. И не удивительно, ведь Коул толком не успел их разглядеть. В зале и спальне царила полутьма, кроме того, он выпил чуть ли не бутылку виски. Но воспоминания о ее мягких губах, гибком теле, длинных волнистых волосах не померкли. Они накрепко запечатлелись в его памяти, и Коул постоянно возвращался к ним, хватаясь за них, как за соломинку, чтобы не сойти с ума. Джинни запала ему в душу, и он поклялся найти ее, если выживет.

Однако окружавшему его аду не было конца. Ад находился теперь не только снаружи, но и внутри.

Тюрьмы, состоявшей из четырех стен и охраны, как таковой уже не было. Однако Коул находился в ловушке, из которой не мог выбраться. Он не мог побороть страшную боль в левом запястье.

Раньше ему это было по силам, он побеждал боль во время пыток. Он прошел все испытания, которые грозили сломить, уничтожить его. Причем его муки были не

только физическими, но и моральными. Каждое утро могло стать последним в его жизни, и он с отчаяньем встречал рассвет. Душу Коула терзал коварный страх. В голову ему приходили тяжелые мысли. Ему казалось, что о нем забыли, что его бросили на произвол судьбы, что никто не придет, чтобы его спасти. Он с ужасом смотрел на свое истощенное тело и не узнавал себя.

А потом у него началась лихорадка, которая как будто захватила его в плен. Коул погрузился в забытье, из которого выплывал лишь на короткое время. Он смутно воспринимал все, что происходило вокруг, однако продолжал цепляться за воспоминания о Джинни. Эта девушка превратилась в призрак, который преследовал Коула и в бреду, и наяву.

Все его тело пронизывала жестокая боль. Ему мерещилось, что его кровь становится черной, что из его запястья внутрь растут гнойные щупальца, что они тянутся к сердцу и пытаются отравить его. Лихорадка сожгла все его надежды. Все мысли, мечты и даже воспоминания. Коул был как в тумане, он сливался с болью и наконец перестал бороться с ней.

И тут знакомый голос назвал его по имени… Звуки этого голоса проникали к Коулу сквозь густой туман бреда. Вслед за ними он почувствовал прохладные прикосновения, которые принесли ему блаженное облегчение. Это была Джинни, она приказывала ему сражаться за свою жизнь, умоляла его не сдаваться, не умирать… И в душе Коула вновь вспыхнул огонек надежды.

Коул потянулся к ней, своей спасительнице. Он отчаянно боролся с трясиной угрожавшего поглотить его бреда, он пытался вернуться к реальности.

Один Бог знает, каких усилий ему все это стоило! Но как Джинни нашла его в аду? Сама она не была обитательницей ада, и Коул не мог позволить ей войти в пекло боли. Но и прогнать Джинни он тоже был не в силах.

К голосу Джинни присоединился мужской голос, хрипловатый, недоброжелательный… Боль обострилась, и голоса стали более нервными, громкими.

Коул хотел отогнать мужчину от своей женщины, но ему было трудно дышать, не то что говорить. Он находился в самом пекле, где пылал огонь и пахло серой, и не мог назвать Джинни по имени. А затем Коула поглотила тьма.

Три дня у Имоджен так сильно билось сердце, что она с трудом двигалась. Слишком многое стояло на кону. Предчувствие беды терзало ее и едва не довело до безумия.

Имоджен не уволилась только потому, что чувствовала свою правоту. Доктор Лонгхерст провел операцию, сделал анализы взятых проб и нашел инфекцию не только в мышечной ткани Тренвита, но и в кости. Он сделал все, что мог, но температура по-прежнему не спадала, и существовало опасение, что инфекция уже нанесла организму непоправимый ущерб.

Смерть Тренвита, которая сама по себе была бы трагедией, могла к тому же привести к плачевным последствиям. Доктор Фаулер не преминул бы воспользоваться ею, как предлогом для увольнения Лонгхерста и Имоджен. Он не скрывал своего злорадства. Ни для кого не было секретом, что Фаулер стремился избавиться от молодого талантливого врача и строптивой медсестры.

Такие люди, как он, не выносят, когда им предъявляют доказательства их глупости. И хотя Имоджен не стала никому из персонала рассказывать о том, что главный врач отказался делать операцию герцогу, Фаулер тем не менее при встречах сверлил ее злобным взглядом. Неудивительно, что Имоджен старалась его избегать.

Ночи она проводила без сна, ее одолевали тяжелые мысли. От тревоги и накопившейся усталости Имоджен сделалась неловкой и забывчивой.

Дель Торо пригрозил, что если она снова прольет пиво на клиента или разобьет еще одну тарелку, то он заставит ее компенсировать ущерб, оказывая сексуальные услуги.

Имоджен казалось, что она висит над пропастью на тонкой нити, которая вот-вот оборвется.

– Какие новости, дорогая? – поинтересовался лорд Анструтер. Он каждый день задавал этот вопрос, когда Имоджен приносила ему газеты и чай. – Никаких изменений?

Он плохо выглядел, его губы заметно посинели по краям.

– Никаких, милорд, – ответила Имоджен, зная, что граф разделяет ее беспокойство за судьбу Коула. – Дыхание герцога несколько стабилизировалось, но он по-прежнему без сознания.

– В таком случае, я отказываюсь умирать до тех пор, пока Тренвит не придет в себя. И это мое последнее слово! – заявил Анструтер и поднял руки, чтобы Имоджен могла поставить поднос с чаем ему на колени.

– Вы осмеливаетесь диктовать свою волю Богу? – шутливо спросила девушка.

– Нет, но свою волю умеет диктовать Сара, моя возлюбленная покойная супруга, которая сейчас с небес смотрит на нас. – Граф подмигнул Имоджен. – Я предоставляю ей право заниматься устройством моей загробной жизни. Если Господь действительно всеведущ, то он знает, что спорить с Сарой бесполезно.

Граф всегда умел рассмешить Имоджен, и теперь она тоже улыбнулась, несмотря на свое состояние.

– В вашем положении нехорошо произносить такие кощунственные вещи, – шутливо упрекнула его девушка.

– Это – единственный порок, на который мне еще хватает сил. Что еще осталось больному старику? Без грехов жизнь скучна.

Пряча улыбку, Имоджен поправила подушки и наложила согревающий компресс на грудь графа.

– Вы прекрасно ухаживаете за мной, сестра Причард, – заявил больной с несвойственной ему торжественностью в голосе. – Если бы на вашем месте был кто-то другой, я чувствовал бы себя несчастным. Видите ли, я терпеть не могу дураков. А вы не просто добрая и заботливая, вы – умная. Среди женщин моего круга это большая редкость. Вы мне чем-то напоминаете мою Сару.

Имоджен не в первый раз слышала это признание из уст графа, и подобный комплимент льстил ее самолюбию, поскольку граф очень высоко ценил жену.

– Простите меня за бестактность, но мне вдруг пришло в голову, что вы не смогли сделать эскиз с интересующей меня скульптуры из-за… недостатка средств. – Граф потупил глаза. Он не любил говорить о деньгах, поскольку эта тема напоминала им о социальном неравенстве. – По моему распоряжению Чивер купил несколько альбомов, холсты и инструменты, с помощью всего этого вы, я думаю, сможете выполнить мою просьбу.

Его взгляд выражал надежду и смущение. Имоджен была растрогана не столько словами графа, сколько его манерой поведения. Старик был просто очарователен! Разве могла она сказать ему, что дело не только в ее плачевном финансовом положении? Что не оно явилось причиной, помешавшей ей выполнить его просьбу?

Имоджен не хватало не только денег, но и времени. Она задерживалась в больнице, ухаживая за Тренвитом, а потом бежала в «Голую киску», где за каждое опоздание ей грозил штраф.

Но старик считал, что Имоджен не составляло труда провести после дежурства в больнице несколько часов в музейном зале. По его мнению, это было удовольствием, а не работой. Она согласилась бы с ним, если бы у нее было больше свободного времени.

Граф и представить себе не мог, насколько сложной была жизнь Имоджен. У нее не хватало сил даже на то, чтобы пожалеть себя, посетовать о том, что она так и не стала художником, о чем всегда мечтала.

– Вам удалось удивить меня, лорд Анструтер, – сказала наконец Имоджен. – Но я не могу принять столь щедрый подарок.

– Ба! – Граф поморщился. Такую гримасу он обычно делал, когда принимал горькую микстуру. – В моем возрасте и положении, дорогая, позволительно быть несколько эксцентричным. Сделайте на это скидку и не отказывайте старику!

Имоджен снова улыбнулась.

– И, конечно же, я вознагражу вас за потраченное время, – добавил граф и снова откашлялся, чувствуя неловкость от того, что опять заговорил о деньгах.

Слезы благодарности навернулись на глаза девушки. Ее сердце щемило от сострадания к старику.

– Не стоит этого делать, милорд… я…

Но тут в палату без стука ворвался доктор Лонгхерст.

– Сестра Причард! Тренвит пришел в себя! – взволнованно сообщил он.

Имоджен нерешительно взглянула на Анструтера, но старик замахал на нее руками.

– Идите, идите, – прохрипел он. – Я без вас обойдусь. Я же говорил, что Он послушается Сару.

И граф указал на потолок.

Имоджен поспешила вслед за доктором Лонгхерстом в коридор.

Дверь в палату Тренвита была распахнута настежь, из проема лился свет и слышалась какофония голосов. Среди них выделялся хрипловатый голос доктора Фаулера, который раздавал своим подчиненным указания. Опередив Имоджен, в палату вошел Уильям с подносом в руках. Девушка успела разглядеть, что на подносе стоят тарелка с бульоном и чашка с чаем.

Кровь так громко шумела в ушах Имоджен, что почти заглушала голоса в палате. Ее охватил страх. А что если Тренвит вспомнит ее? Он ведь даже в горячечном бреду узнал голос Джинни.

Коул звал ее, грезил о ней, цеплялся за нее так, как будто она была его спасением. Это поражало Имоджен, вселяло в ее душу надежду. Но что если, придя в сознание, он решит, что Джинни – всего лишь шлюха, каких много в борделях города? Что, если он раскроет ее тайну перед всеми, перед ее коллегами и начальством? Тогда Имоджен пропала…

Однако ее страх исчез так же быстро, как и появился. Как она может сейчас думать о себе, когда речь идет о жизни и смерти Коула, который чудом вернулся

с того света?

Впрочем, Имоджен должна была думать не только о нем, но и о своих близких. Мысль о матери и младшей сестре, находившихся на ее попечении, угнетала девушку. Они полностью зависели от нее.

А вот Коул был сейчас совсем один. Имоджен об этом знала. Доктор Фаулер посылал за его сестрой, леди Рассел, но ему сообщили, что она с мужем уехала на континент, и от нее давно не было никаких известий.

Впрочем, нет, Коул не был один. У него была она, Имоджен, готовая на все ради его спасения. Она не сомневалась, что выходит Коула, вырвет его из цепких рук смерти. В ней был источник силы, знаний и вдохновения. Она готова была целиком отдаться Коулу, посвятить ему всю себя без остатка. Он мог рассчитывать на ее помощь, поддержку; ему принадлежали ее тело, сердце, руки.

Руки… У Коула была всего одна рука, вернее, одна кисть. Имоджен надеялась, что он свыкнется со своим увечьем. Во всяком случае, она была готова помочь ему в этом. Не беда, что Коул калека, Имоджен сможет подать ему все необходимое, унести и принести все, что он попросит…

Однако все разумные мысли разлетелись в разные стороны, как стайка испуганных птиц, когда она перешагнула порог палаты Тренвита.

Коул действительно пришел в себя. Но когда Имоджен взглянула на него, он показался ей совсем чужим человеком. Она застыла на пороге, не в силах оправиться от шока. Вроде бы это был Тренвит, и в то же время она не узнавала его. Он был гладко выбрит… Впрочем, что в этом удивительного? Она сама брила его сегодня утром. Ее поразила аристократическая сдержанность, с которой он медленно – глоток за глотком – пил чай. Чашку с этим напитком подносил к его губам услужливый Уильям. Давно не стриженные волосы Коула были, благодаря уходу Имоджен чисто вымыты и причесаны. Казалось, с ним все было в порядке. Однако ей не нравился тусклый взгляд его карих глаз. Она хорошо помнила, каким огнем они обычно пылали. Но от былого блеска и сияния не осталось и следа. Глаза Коула как будто поблекли. У него был унылый пустой взгляд. Это был человек, у которого отняли все, у которого отняли самого себя…

Создавалось впечатление, что вокруг Коула залегли густые тени. И причиной того были вовсе не плотные шторы, которые задернула Молли, чтобы весеннее полуденное солнце не слепило глаза.

– Ваша светлость, – обратился к герцогу вошедший вслед за Имоджен Лонгхерст, – разрешите сестре Причард напоить вас чаем. Или, может быть, изволите съесть несколько ложек бульона?

Безжизненный взгляд Тренвита равнодушно скользнул по Имоджен и становился на Лонгхерсте. Девушка замерла в изумлении. Герцог не узнал ее!

Тем не менее ее продолжала бить мелкая дрожь.

– Зачем вы привели эту девушку? – глухим голосом спросил Тренвит.

– Действительно, зачем? – пробормотал Фаулер.

Он стоял у постели пациента, скрестив руки на груди. Имоджен назвала бы его позу оборонительной.

Впрочем, ей было сейчас не до главного врача. Она не сводила глаз с Коула. Слава богу, ее молитвы были услышаны. Коул был жив, он пришел в себя! Его забинтованная левая рука была зафиксирована поддерживающей повязкой. Цвет лица Коула заметно улучшился. Да, он был ранен, искалечен, изможден, но по-прежнему прекрасен!

– Вы живы благодаря сестре Причард, – заявил Лонгхерст.

– Чушь! – воскликнул Фаулер и, опустив руки по швам, сжал кулаки.

– Она поставила вам правильный диагноз, – не обращая внимания на главного врача, продолжал Лонгхерст. – Мы все считали, что вы больны тифом. А сестра Причард спорила с нами. Она боролась за вашу жизнь, милорд. И одержала победу!

Тренвит медленно повернул голову в сторону Имоджен и бросил на нее пристальный взгляд, от которого у нее кровь застыла в жилах.

– Вы говорите о ней?

Во взгляде герцога читалась не благодарность, а осуждение. Лонгхерст, напротив, смотрел на Имоджен с несвойственной ему теплотой.

– Эта девушка заслуживает похвалы, – заявил молодой врач.

В палате воцарилась гробовая тишина. Пауза затягивалась, все чувствовали себя неловко, но не прерывали молчания.

Решив, что ее сложно узнать в медицинской форме, Имоджен поправила колпак на голове, под который были аккуратно убраны волосы, и выступила вперед, пытаясь снова обратить на себя внимание Тренвита.

– Если чай вам не по душе, я могу принести…

– Мне от вас ничего не надо, – перебил ее Тренвит. Он даже не смотрел на Имоджен. – Я не люблю чай. Я пью кофе.

Уязвленная Имоджен отошла подальше от кровати. Она не ожидала от пациента, за которым ухаживала, не щадя себя, такой недоброжелательности.

– Мы не рекомендуем кофе недавно прооперированным пациентам, – сказал Лонгхерст. – Возможно, со временем…

– Где мой человек? – не дослушав его, спросил Тренвит и окинул холодным взглядом всех присутствующих.

Всех, кроме Имоджен.

– Кого вы имеете в виду? – спросил Фаулер.

– Шона О’Мару, моего камердинера, он вернулся из… – Герцог осекся, на мгновение растерявшись, но потом как будто что-то вспомнил и спросил упавшим голосом: – Он жив?

– Мы пошлем за ним, ваша светлость, – поклонившись, произнес Лонгхерст. – Он теперь работает в Скотленд-Ярде под руководством сэра Карлтона Морли. А пока позвольте медсестре Причард дать вам настойку опиатов. От боли в запястье.

Губы Тренвита сложились в усмешку.

– Скажите этой девице, чтобы не подходила ко мне! И вы, костоправы, держитесь от меня подальше!

– Прошу прощения? – промолвил Лонгхерст таким грозным тоном, как будто прощения не просил, а категорически требовал.

– Я не позволю пичкать себя наркотиками теперь, когда я наконец избавился от тумана в голове.

Герцог и Лонгхерст скрестили взгляды, как шпаги.

– Но ваша рука! – не удержавшись, возразила Имоджен. – Боль будет невыносимой после того, как лекарство, которое мы дали вам утром, перестанет действовать. Разве вы не хотите предотвратить ее?

Герцог смерил медсестру презрительным взглядом.

– Думаете, я боюсь боли?

На теле Тренвита было множество ран, шрамов и рубцов. Конечно же, человек, прошедший через пытки, через тяжелые физические и моральные испытания, был закален и не боялся боли.

– Нет, ваша светлость, я так не думаю, но, может быть, вы примете хотя бы…

– Вы сделали для меня достаточно. А теперь уходите.

Лонгхерст шагнул к Имоджен с таким видом, как будто хотел защитить ее от несправедливых нападок. Его брови были сдвинуты на переносице и придавали лицу выражение решимости.

– Ваша светлость, послушайте…

– Еще один… Вон, я сказал!

Чашка, которую Уильям оставил на стоявшем на постели у правой руки герцога подносе, полетела в Имоджен и разбилась о стену у нее над головой. Теплые капли чая брызнули ей в лицо.

– Пришлите ко мне О’Мару! – взревел Тренвит и в ярости перевернул поднос.

Молли взвизгнула и выбежала в коридор.

Лонгхерст и Уильям бросились к кровати, чтобы усмирить разъяренного герцога. Фаулер схватил потерявшую дар речи Имоджен за локоть и вывел в коридор.

– Собирайте свои вещи, мисс Причард, вы больше не работаете в королевской больнице Святой Маргариты, – прошипел он.

Ошеломленная Имоджен не сразу поняла, что сказал главный врач, однако смысл его слов через некоторое время все же дошел до ее сознания, и она не на шутку испугалась.

– Но… но что я сделала? За что вы меня увольняете? – пролепетала девушка.

– Я увольняю вас за грубое нарушение субординации.

Его голос напоминал шипение гадюки.

– Вы хотите сказать, что я неправильно поступила, настояв на операции?

– Вам было велено заниматься своими делами и не совать нос туда, куда не следует! Но вы не послушались и стали действовать у меня за спиной! Вы пошли к доктору Лонгхерсту и уговорили его сделать герцогу операцию без моего ведома.

– Но герцог выжил благодаря этой операции! – возмутилась Имоджен.

– В данном случае это не имеет никакого значения. А что если в следующий раз у нас умрет какой-нибудь пациент из-за того, что вам снова взбредет в голову ставить диагнозы и назначать лечение? У вас раздутое самомнение, сестра, вы считаете, что знаете больше лечащих врачей! Лондонское медицинское сообщество и без того заражено людьми, творящими произвол. Я не позволю, чтобы в моей больнице работали черные ангелы смерти!

Фаулер намекал на медсестер, которые подчас делали неизлечимо больным пациентам смертельные инъекции или умертвляли их другими способами. Одни называли таких сестер ангелами, а другие – убийцами.

Однако какое отношение имела к ним Имоджен? Фаулер явно передергивал, пытаясь обвинить ее во всех смертных грехах.

– Пожалуйста, доктор Фаулер, не надо обвинять меня в том, чего я не делала! – взмолилась она. – Обещаю вам, что больше никогда не ослушаюсь вашего приказа. Я нарушила его всего один раз, и это больше не повторится. Не увольняйте меня! Мне нужно кормить семью.

– Вам следовало подумать о своих близких прежде, чем вы решили сделать из меня дурака! – Он резко повернулся к другой медсестре, стоявшей в коридоре с испуганным видом. – Молли, позовите сюда всех медсестер и санитарок, работающих на этом этаже! Нам понадобится помощь, чтобы усмирить Тренвита. И пусть кто-нибудь выведет отсюда мисс Причард!

– Слушаюсь, сэр, – сказала Молли и, бросив на Имоджен неприязненный взгляд, кинулась выполнять распоряжения Фаулера.

Взгляд Имоджен остановился на двери, ведущей в палату лорда Анструтера.

– Могу я, по крайней мере, попрощаться…

– Вы можете делать все, что вам угодно, но только за пределами этих стен! – оборвал ее Фаулер и поднял руку, когда она попыталась снова что-то произнести. – Если вы хотите попросить у меня рекомендации, чтобы устроиться на новое место, то не трудитесь, вы их не получите! Всего хорошего, мисс Причард.

Фаулер назвал Имоджен «мисс», а не «сестра», как к ней обращались в больнице, давая понять, что она здесь больше не работает.

О боже, события развивались вовсе не так, как предполагала Имоджен! Она боялась, что ее узнает Тренвит. Но беда пришла с той стороны, с которой ее не ждали.

Глава 7

Имоджен вспомнила, что оставила свои вещи в шкафу больничной раздевалки, только где-то в середине рабочей смены в заведении «Голая киска». Кто выпроводил ее из больницы? Она не могла припомнить. Все происходило, как в тумане. Девушка очнулась на холодной улице под моросящим дождем. Она находилась уже далеко от больницы. По-видимому, она покинула ее стены час назад. Неверие в реальность происходящего сменилось оцепенением и отчаяньем. Имоджен не могла заставить себя вернуться домой. Как она посмотрит в глаза матери, которая вела домашнее хозяйство, готовила пищу, ходила за продуктами, несмотря на мучивший ее ревматизм? А ее дорогая, горячо любимая сестра Изабелл старалась изо всех сил держать марку в школе, не падать духом и просила позволить ей пойти на фабрику, чтобы зарабатывать деньги для семьи. Что будет с ней теперь, когда у них не осталось средств к существованию?

Имоджен боялась увидеть в глазах близких укор. Ее ведь можно было упрекнуть в том, что она не справилась с ролью кормилицы семьи. Она спасла жизнь богатого герцога, который оказался неблагодарным. Из-за него Имоджен потеряла единственный доход, который позволял ее семье держаться на плаву.

Дорога от больницы Святой Маргариты, находившейся в Вест-Энде, до «Голой киски», располагавшейся на улице Сент-Джеймс, была недлинной, но два этих места представляли собой разные миры.

«Вот он, мой мир, и другого теперь не будет», – с горечью думала Имоджен, озираясь в полутемном зале «Голой киски». О, как она ненавидела это заведение!

Подметая пол, на котором валялся мусор, девушка старалась не раздражаться по пустякам. Все здесь казалось ей отвратительным, все возмущало до глубины души. В ней росла обида на покойного отца, по милости которого она вынуждена была работать в этом злачном месте. На сестру, которую Имоджен вынуждена была взять на свое иждивение, потому что Изабелл была маленькой и беззащитной. На мать, которая из-за немощи и болезней не могла зарабатывать на пропитание. На доктора Фаулера, этого глупого высокомерного индюка. На Тренвита, который купил ее на ночь, а потом, через год, даже не узнал. А главное, именно из-за него Имоджен лишилась работы в больнице.

Но более всего она обижалась на себя саму. Она чувствовала свою вину в том, что произошло.

– Пока ты там ползаешь на карачках, почему бы тебе не взять вот это в рот? – пьяным голосом спросил посетитель, который разбил стакан, и положил руку на свой пах, похабно ухмыляясь и делая вид, что хочет расстегнуть ширинку.

Его собутыльники за столом разразились хохотом. Их веселье было несоразмерно плоской шутке. Впрочем, так всегда бывает в кругу крепко выпивших людей.

Имоджен выпрямилась, держа в одной руке метлу, в другой – совок.

– Я принесу вам другой стакан, – сухо сказала она, стараясь не смотреть на мерзкую щетину на подбородке пьяного клиента.

Повернувшись, девушка двинулась к барной стойке, за которой стояло мусорное ведро.

– Сколько стоит эта киска, дель Торо? – крикнул пьяный посетитель. – Похоже, она послушная, мне это нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bern_kerrigan/v-ob-yatiyah-gercoga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить